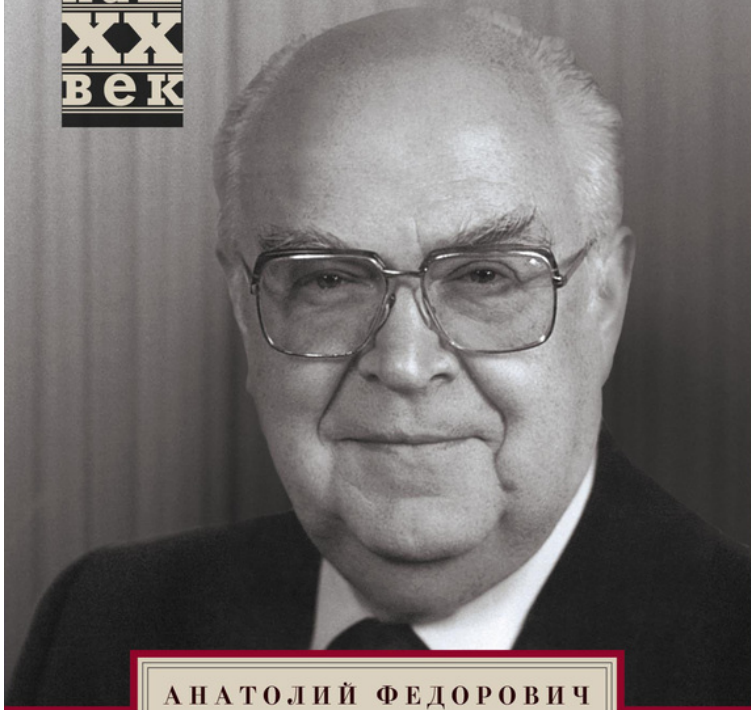

наш
XX
век

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

ДОБРЫНИН

СУГУБО ДОВЕРИТЕЛЬНО
ПОСОЛ В ВАШИНГТОНЕ ПРИ ШЕСТИ
ПРЕЗИДЕНТАХ США. 1962—1986

Анатолий Федорович Добрынин
Сугубо доверительно. Посол
в Вашингтоне при шести
президентах США. 1962–1986 гг.
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400059

*А. Ф. Добрынин. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при
шести президентах США. 1962-1986 гг.: ЗАО «Издательство
Центрополиграф»; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06563-6*

Аннотация

А. Ф. Добрынин – один из старейших дипломатов послевоенного периода, занимающий уникальное место в истории нашей дипломатии вообще и советско-американских отношений особенно. Он внес весомый вклад в нормализацию отношений между СССР и США и укрепление международного престижа нашего государства. Предлагаемая читателю книга представляет бесспорный интерес в первую очередь потому, что она позволяет как бы заглянуть за кулисы почти четвертьвекового отрезка дипломатической истории в сложнейшие периоды взаимоотношений двух держав. Ценность книги и в том, что автор

не «летописец», а активный участник процесса формирования этих отношений, пользовавшийся авторитетом и влиянием в высших эшелонах власти и в Москве, и в Вашингтоне. Взгляд изнутри, впечатления и оценки автора, подкрепленные к тому же документами, представляют значительный интерес для широких кругов читателей.

Содержание

От автора	6
Часть первая. Начало дипломатического пути	11
Из инженера в дипломаты	11
Высшая дипломатическая школа	17
Работа в центральном аппарате МИД	23
Советник посольства. С Молотовым по США	30
Помощник трех министров	42
Заместитель Генерального секретаря ООН	50
Встреча в Вене Хрущева и Кеннеди	62
Меня назначают послом в США	70
Часть вторая. Президентство Джона Кеннеди, 1961–1963 гг.	73
Первые встречи в Вашингтоне	73
Кубинский кризис. Октябрь 1962 года	125
Конец ознакомительного фрагмента.	164

**Анатолий Добрынин
Сугубо доверительно.
Посол в Вашингтоне
при шести президентах
США. 1962–1986 гг.**

© А. Ф. Добрынин, наследники, текст, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2016

*** * ***

От автора

В начале 1962 года я прибыл в Вашингтон в качестве посла и покинул этот пост в марте 1986 года, иными словами, 24 года спустя. По своей продолжительности это был рекордный срок в советской, да и во всей русской дипломатической истории. Лучшие годы моей жизни – а она охватывает 50 лет дипслужбы – были отданы работе в качестве посла.

Мне довелось иметь дело с шестью американскими президентами, весьма разными по своему характеру, знаниям, темпераментам, умению вести государственные дела, прежде всего в области внешней политики и отношений с Советским Союзом. Были среди них действительно крупные фигуры, надолго запомнившиеся, и те, которые оставили сравнительно небольшой след в памяти, но каждый из них, несомненно, обладал своей индивидуальностью. Я работал послом при президентах Кеннеди, Джонсоне, Никсоне, Форде, Картере и Рейгане, с которыми мне приходилось периодически встречаться. Лично был знаком также с президентами Трумэном, Эйзенхауэром и Бушем. Фактически я оказался единственным здравствующим свидетелем всех советско-американских встреч на высшем уровне начиная с конференции в Женеве в 1955 году.

В своей практической деятельности я повседневно общался с государственными секретарями, а также помощниками

президентов по национальной безопасности. Достаточно назвать некоторых из них: Раск, Роджерс, Киссинджер, Вэнс, Маски, Бжезинский, Хейг, Шульц, Скоукрофт и др.

Каждый из них являлся по-своему колоритной фигурой. Всякое бывало: конфликты и договоренности, напряженные переговоры и соглашения, претензии и контрпретензии, доверительные беседы и эмоциональные споры, но вместе с тем, как правило, сохранялись хорошие личные деловые контакты, а подчас и дружеские отношения, что сильно помогало, особенно в тот сложный период, именовавшийся холодной войной. О многих моих партнерах остались хорошие воспоминания. С некоторыми из них я поддерживаю контакты и сейчас.

Я с удовольствием и благодарностью вспоминаю своих коллег по совместной нелегкой работе в посольстве – Юлия Воронцова, Александра Бессмертных, Георгия Корниенко, Георгия Мамедова, Владиллена Васева, Олега Соколова, Виталия Чуркина, Виктора Комплектова, Виктора Исакова и многих, многих других.

На мой длительный период пребывания в США, к сожалению, наложили свой отпечаток идеологическая непримиримость, резкие колебания в советско-американских отношениях, а также общая неустойчивость послевоенной международной обстановки. Набирала обороты гонка вооружений, которая опережала переговоры по их ограничению. Отношения с Вашингтоном переживали то подъем, то резкий спад.

Улучшения обычно были связаны со встречами на высшем уровне. Обострения – с кризисами в тех или иных регионах мира. Эти колебания были присущи периоду правления почти каждого президента.

Отношения между СССР и США носили уникальный характер. Оба государства были в одно и то же время и противниками, и невольными партнерами в разделении особой ответственности за судьбы мира на земле при важном взаимном понимании недопустимости ядерной войны.

Так получилось, что в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств нагрузка по поддержанию доверительных связей между обоими правительствами в этот период приходилась в основном на советского посла в Вашингтоне. Через него действовал так называемый конфиденциальный канал, между руководством обеих стран, часто в обход дипломатических служб. По этому каналу шла основная личная переписка между главами СССР и США, а также проходили поиски развязок кризисных ситуаций, тупиков сложных дипломатических переговоров и обмен мнениями по отдельным «чувствительным» проблемам. В период наибольшей интенсивности использования этого канала между Белым домом и советским посольством была даже негласно проложена прямая секретная телефонная связь. О том, как функционировал конфиденциальный канал, и о моей роли в качестве «связного» между Кремлем и Белым домом я впервые рассказываю в этой книге.

Свою задачу я видел в правильном и объективном «переводе» непростого диалога между руководством обеих стран, в поддержании позитивных сторон наших отношений, в добросовестном ведении сложных переговоров. При этом я старался не сбиваться на вполне понятные эмоции из-за тех или иных негативных событий, которых, к сожалению, бывало немало.

Оглядываясь назад, сожалею, конечно, что почти четверть века работы послом в Вашингтоне пришлось, в основном, на сложный период советско-американского соперничества. Сколько полезного можно было бы обеим державам сделать за это время для сближения наших народов, если бы наши отношения уже тогда можно было бы поставить на здоровую основу. И все же я могу честно сказать, что делал все, что было в моих силах, чтобы холодная война не превратилась в «горячую», чтобы постепенно закладывались семена взаимопонимания и добрых отношений между нашими странами. К этому я всегда стремился.

Главное теперь для обеих стран – избавиться от менталитета холодной войны и развивать непростое, но действительно необходимое стратегическое сотрудничество в пользу мира, благосостояния и других общих интересов, не позволяя в то же время возможным, а подчас и неизбежным разногласиям и трудностям вредить этому главному делу.

Работая над книгой, я использовал дипломатические архивы и мои дневниковые записи, которые до этого не пуб-

ликовались. В ней нашли отражение практически все наиболее важные беседы и встречи с президентами, госсекретарями, помощниками президентов по национальной безопасности, сенаторами, политическими и общественными деятелями Соединенных Штатов, а также с советскими руководящими деятелями того периода. Эта книга, по моему мнению, довольно полно передает дух времени, атмосферу и хронику советско-американских взаимоотношений на их последнем критическом этапе. Свидетельства современников и документальные материалы того периода могут быть полезны для всех, кто интересуется непростой историей наших отношений, которая служит красноречивым предостережением против повторения печальных ошибок столь недалекого прошлого.

Часть первая. Начало дипломатического пути

Из инженера в дипломаты

На дипломатическую дорогу я вступил совершенно неожиданно для себя и довольно необычным образом. В один из летних дней военного 1944 года на авиационный завод в Москве, где я тогда работал инженером-конструктором, позвонили из ЦК КПСС и предложили явиться к ним на следующий день.

Я никогда прежде не бывал в столь высоких инстанциях и поэтому терялся в догадках: зачем я, рядовой инженер, мог там понадобиться. Прихожу на другой день в бюро пропусков ЦК КПСС. Меня направляют в Управление кадров.

Принял меня солидный, не улыбкающий и строгий на вид человек, который производил, конечно, впечатление, во всяком случае на новичка, и тем более на человека моего возраста. Я даже до сих пор помню его имя. «Сдобнов – инструктор ЦК КПСС по кадрам», – отрекомендовался он. Всем своим видом он показывал, что не очень-то склонен вступать в какие-то длинные разговоры или обсуждения. «Есть мнение, – изрек он, – направить вас на учебу в Выс-

шую дипломатическую школу». Надо сказать, что формулировка «есть мнение» (чье, кого конкретно – неизвестно) была долгое время излюбленной фразой в советском партийном и государственном лексиконе. Налет таинственности и властности: не знаешь, к кому и апеллировать по своему личному делу, остается вроде один выход – соглашаться.

Для меня такое предложение, означавшее коренную ломку профессии, которая мне нравилась, и прыжок в неизвестность, было полной неожиданностью. Сказать, что я был ошеломлен, – пожалуй, ничего не сказать. По окончании Московского авиационного института я работал конструктором на опытном заводе № 115, которым руководил известный авиаконструктор А. С. Яковлев. Его самолеты-истребители составляли значительную часть парка советской авиации на фронтах войны. Работа была очень интересной, и я, разумеется, никогда не помышлял идти в какие-то дипломаты.

Не видя какого-либо восторга с моей стороны (я даже попытался что-то возразить), Сдобнов отрезал: «Идет война. Партии видней, как и где использовать свои кадры. Так что вопрос, по существу, предрешен. Впрочем, можете подумать до завтра, утром я снова вас жду».

Замешательство мое усиливалось и тем обстоятельством, что сам я был из обычной рабочей семьи, которая не имела никаких связей в партийных структурах или где-то «наверху», в правительстве. Почему именно на меня, не известного

никому инженера, пал такой выбор?

Озадаченный и сбитый с толку, я отправился домой на «семейный совет». Жена моя в тот момент заканчивала учебу в г. Алма-Ате, куда был эвакуирован ее институт во время войны, так что «совет» был в основном с отцом. Отец мой, кадровый рабочий, слесарь, всю жизнь мечтавший вывести меня, своего сына, в инженеры, был решительно против «каких-то дипломатов». По довольно распространенному тогда в рабочей среде мнению, дипломаты, вращавшиеся в «высших сферах», – либо «жулики», либо «обманщики», и отец никак не хотел, чтобы его единственный сын вступил на такой путь. Я сам, конечно, был более начитан, чем отец, но все же имел довольно смутное представление об этой профессии. Да и к чему – на заводе у меня была интересная работа, и ничего другого я не хотел. Короче, укрепился во мнении, что дипломатия не для меня.

Услышав на следующее утро мой ответ, инструктор Сдобнов страшно разгневался. Заявил, что я мальчишка (мне было 25 лет), что я не понимаю той великой чести, которую мне оказывают, направляя на учебу в Высшую дипломатическую школу, и что если я не понимаю добрых слов, то тогда должен рассматривать сделанное мне предложение уже как приказ военного времени, который подлежит безусловному выполнению.

Я отправился к главному конструктору Яковлеву за советом (он был в чине генерал-лейтенанта). Ко мне хорошо от-

носился и курировал мою работу на заводе.

Выразив сожаление по поводу такого поворота дел, он заметил, что надеялся лет через десять сделать меня своим заместителем. Однако против решения ЦК КПСС не пойдешь, и его надо выполнять, нравится оно или нет.

Так мне пришлось расстаться и с заводом, и с авиацией, которую я любил и за развитием которой старался урывками следить всю свою жизнь, даже уже находясь на дипломатической работе.

Надо сказать, что годы работы на авиационном заводе со служили все же мне добрую службу и в дипломатических делах, особенно когда начались советско-американские переговоры по разоружению, которые охватывали область и авиации, и ракетных сил разного назначения. Мне было гораздо легче, чем многим моим коллегам – «чистым дипломатам», – осваивать эту достаточно сложную своими техническими деталями область.

В течение многих лет для меня оставалось загадкой, чье это было «мнение», о котором мне сказали на Старой площади, которое так круто изменило мою судьбу. Лишь неожиданный случай помог ее разгадать.

Уже будучи послом в США, я как-то во время отпуска совершал прогулку в окрестностях Москвы, в районе поселка Усово, где было немало правительственных дач. Неожиданно я встретил В. Молотова, бывшего министра иностранных дел, который давно уже жил в этом районе после своей вы-

нужденной отставки в 1957 году. Хотя Молотову уже было в момент нашей встречи за 80 лет, он сохранил хорошую память и ясность ума, упрямо придерживался своих убеждений, «не перестраивался», ругал до конца своих дней Хрущева и Брежнева, но хвалил Сталина.

По ходу беседы я вспомнил, как был «завербован» в Высшую дипломатическую школу в 1944 году (впоследствии она была переименована в Дипломатическую академию), вновь высказал недоумение, почему выбор пал на меня, хотя я явно не мог быть тогда известен лично кому-либо из руководства ЦК КПСС.

Молотов сказал, что помнит этот эпизод во время войны с набором слушателей в ВДШ. На одном из заседаний политбюро летом 1944 года Сталин после обсуждения хода нашего успешного наступления на фронтах неожиданно заговорил о дипломатических кадрах. Мы можем сейчас с уверенностью заявить, отметил он, что Гитлер будет разбит. Значит, надо заблаговременно готовиться к этому моменту и в дипломатической области.

После войны будет оживленная внешнеполитическая работа, так как появятся новые связи и контакты с разными государствами, а также необходимость решать многие сложные послевоенные проблемы. Короче, нужен будет квалифицированный и достаточно многочисленный дипломатический корпус. Поэтому, сказал Сталин Молотову, следует, не мешкая, начиная уже с этого года, организовать дипломатиче-

скую школу и готовить соответствующие кадры.

– Но откуда взять молодых слушателей, – спросил Молотов Сталина, – тем более с гуманитарным образованием? Ведь сейчас в разгаре война, практически все они мобилизованы в армию.

– А Вы не ищите слушателей обязательно с гуманитарным образованием, они его потом пополнят. Сейчас же возьмите молодых инженеров с оборонных заводов. Главный критерий для посылки в дипломатическую школу – их умение уживаться с рабочими, которыми они руководят. И у тех и у других сейчас очень трудная жизнь, и те и другие получают лишь паек по 700 граммов черного хлеба в день, многие из них фактически живут в цехах, днями оторваны от семей. Если молодые инженеры проявляют способность повседневно улаживать неизбежные в это трудное время чисто человеческие конфликты в руководимых ими коллективах и при этом рабочие продолжают уважать их, значит, они настоящие дипломаты или имеют все задатки стать таковыми.

И действительно, наш первый курс ВДШ (около 50 человек) состоял сплошь из молодых инженеров, преимущественно авиационной промышленности, поскольку до войны авиационные институты считались особо престижными в СССР и туда охотно шла учиться наиболее способная молодежь.

Это был своеобразный «сталинский призыв» в дипломатию, хотя никто не знал и не говорил об этом.

Высшая дипломатическая школа

ВДШ находилась в небольшом двухэтажном здании недалеко от станции метро «Красные ворота». В школе было два факультета: западный (два года обучения) и восточный (три года обучения).

Основным предметом был иностранный язык, так как подавляющее большинство из нас его не знало, и задача была как можно быстрее «натаскать» нас на разговорный язык и чтение газет и политической литературы. Я попал в английскую группу, в которой было 8 человек.

Школа отличалась хорошим преподавательским составом. Некоторые преподаватели английского языка были настоящие англичане, часть из них плоховато знала русский язык, так что приходилось – не без взаимной пользы – приспособливаться друг к другу. Читали лекции по истории и истории дипломатии известные профессора Сказкин, Хвостов, Крылов, Лебедев и другие. Много дало нам и общение с крупными дипломатами того времени Трояновским, Штейном, Гусевым, Литвиновым и другими «практиками» – бывшими послами. Было немало и разовых выступлений «действовавших» послов, которые приезжали в Москву по своим служебным делам.

Крупным недостатком в изучении языка было то, что нам давали для чтения иностранные газеты и журналы в основ-

ном левого (коммунистического) направления. Основную буржуазную печать выдавали только по специальному разрешению декана факультета, а также выпускникам школы, если тема их дипломного проекта требовала этого. Таков был тогда идеологический настрой и подход ко всему иностранному, хотя Дипшкола вроде и готовила кадры для загранслужбы. Не случайно выпускники школы, которые сразу попадали на работу в наши посольства, долгое время не могли «приспособиться» к языку, терминологии и подаче материалов в большой буржуазной прессе.

То же относилось подчас и к разговорной практике. Они могли порой неплохо поддерживать беседу с марксистским лексиконом с нашими «друзьями» (так на партийном жаргоне назывались иностранные коммунисты), но попадали впросак, когда беседа касалась серьезной политической или экономической темы с иностранными дипломатами или просто с представителями страны пребывания. Приходилось самостоятельно срочно «доучиваться», чтобы квалифицированно выполнять свои обязанности в посольстве. На это приходилось тратить немало времени и усилий.

На первом курсе Дипшколы нам преподавали так называемый этикет, то есть правила поведения или общения «в высшем обществе», с которым нам предстояло – как дипломатам – общаться в будущем и о котором большинство из нас читало лишь в романах. Это было целое театрализованное представление. Пикантность его заключалась в том, что пре-

подавание шло в воображаемых ситуациях – «на дипломатических приемах, обедах и ужинах», в которых никто из нас, разумеется, никогда не участвовал прежде. Вела этот курс пожилая величественная дама из древнего дворянского рода князей Волконских.

Обучение проходило примерно так. Сажали нас за большой, хорошо сервированный стол с соответствующим необходимым набором ложек, ножей и вилок, а также рюмок и фужеров. Все было как «на самом деле». Но с небольшим исключением: никакой конкретной еды или вин нам не подавали (шла ведь война, и с продовольствием было очень плохо). Воображаемые официанты разносили воображаемые блюда, для которых у нас были настоящие фарфоровые, но пустые тарелки.

Наша статс-дама объявляла: «Начнем с супа. Представьте себе, что вам принесли суп – «Вишисуаз» (следовало его описание, как и описание других возможных супов). Затем шла «рыба» и всевозможные «мясные блюда» под разными, подчас непонятными названиями. Это все сопровождалось инструктажем о том, как пользоваться столовыми приборами и как общаться с соседями по столу. Видное место отводилось винам: бургундскому, бордо, рейнскому и нашим советским. Все это символически «наливалось» в настоящие бокалы с соответствующим ритуалом и объяснениями, что и с чем полагалось пить. По ходу обучения этикету мы таким образом «перепробовали» самые разнообразные дели-

катесы, заморские фрукты, а также широкий набор десертных блюд.

Нечего и говорить, что после каждого такого урока наш молодой аппетит разгорался не на шутку, особенно на фоне нашего полуголодного военного продовольственного пайка.

После двух лет учебы в Дипшколе в 1946 году состоялись выпускные экзамены. Председателем экзаменационной комиссии был М. Литвинов (в ту пору заместитель министра). Он очень любил задавать выпускникам вопросы на английском языке. Знал он его хорошо, но произношение было ужасное, и бедные студенты, не так еще основательно освоившие язык всего за два года учебы, терялись, да еще перед таким знаменитым дипломатом-экзаменатором. Выручали нас наши преподаватели из школы, которые, подбадривая и подсказывая, «переводили» его вопросы на более понятный нам по школьным программам английский язык. Впрочем, М. Литвинов делал вид, что не замечал этих уловок наших преподавателей, и довольно щедро ставил нам неплохие отметки, приговаривая, что практическая работа за рубежом «всему вас научит». Короче, давал нам доброе напутствие.

Всех, окончивших Дипшколу, приказом министра иностранных дел Молотова зачислили в разные отделы МИД СССР. Меня единственного неожиданно оставили еще на год при ВДШ. А произошло это вот почему.

На выпускном вечере у меня (я был старостой курса)

произошел дружеский спор с директором ВДШ профессором Хвостовым. Он был известным специалистом по истории международных отношений. Человек весьма порядочный, но педант и сухарь. На прощальном вечере, под влиянием вина, он немного «расслабился» и непринужденно беседовал с выпускниками. Кто-то затронул вопрос о том, какая профессия труднее: историка или инженера. Мнения разделились. Немного разгоряченный после хорошего выпускного ужина, я с директором школы оказался на разных полюсах. Я прибег, как мне казалось, к весоному аргументу, заявив, что если бы мне представилась возможность, то я за год смог бы, хотя по профессии я инженер, написать и защитить диссертацию на звание кандидата исторических наук, но никакой историк за год не защитит диссертацию на инженерную тему. Поднялся шум, гвалт. Впрочем, об этом эпизоде все быстро забыли, в том числе и я, не придав этому спору никакого значения.

Через неделю вывесили приказ министра – о распределении всех выпускников по отделам МИД. Меня же оставили на год при школе. Я оторопел. Забыв о нашем споре, я побежал к Хвостову. Хитро улыбнувшись, он сказал, что лишь передал Молотову мое «пожелание» остаться на год при ВДШ для написания и защиты диссертации и что он поддержал это пожелание. Молотов в порядке исключения с этим согласился. Отступать мне было некуда.

Так мне пришлось еще 10 месяцев оставаться при ВДШ

и писать диссертацию. За основу я взял свой дипломный проект «Дальневосточная политика США в период Русско-японской войны» и успешно защитил диссертацию.

Эта работа через год была издана в виде отдельной книги, но под псевдонимом Добров, ибо – как мне пояснили тогда – работники МИД «не могут печататься под своей фамилией». Это дало мне возможность через несколько лет параллельно с основной работой в МИД преподавать историю внешней политики США в Институте международных отношений, получить звание доцента.

Работа в центральном аппарате МИД

После защиты диссертации меня назначили на работу в МИД в качестве помощника заведующего Учебным отделом, поскольку у меня была теперь ученая степень. Отдел был далек от практической дипломатической деятельности, поскольку занимался организационной и учебно-методической работой по руководству двумя учебными заведениями министерства – ВДШ и МГИМО.

Я буквально погряз в разработке всяких инструкций и методических пособий и просто возненавидел эту работу, мечтая вырваться на «оперативный простор». Вот как обернулся невинный спор с директором ВДШ насчет диссертации.

Через год меня вызвал к себе новый министр Вышинский и предложил стать заведующим Учебным отделом. Перспектива застрять в этом отделе на многие годы просто ужаснула меня, и я сразу же отказался. Это рассердило министра, ибо предложенная мне должность по бюрократической иерархии министерства выводила меня на чин мидовского генерала (государственный советник II класса).

Какой тут поднялся шум! Вышинский вообще не стеснялся в выражениях, особенно с подчиненными ему людьми, и тут он дал себе волю.

«Мальчишка! Ему предлагают генеральскую должность, а он отказывается. Ему, видите ли, не нравится работа, – кри-

чал на меня министр. – А ты знаешь, сколько людей в МИД, не раздумывая и с благодарностью, приняли бы такое предложение?»

Высказав все, что он думает обо мне, он крикнул: «Можешь уходить!» И с размаху перечеркнул синим карандашом проект приказа о моем назначении, бросив его начальнику кадров Струнникову, попутно обругав последнего «за полное незнание кадров и непродуманные предложения».

Нечего и говорить, какое было у меня настроение после такого первого личного знакомства с новым грозным министром. Пришлось вернуться на прежнюю должность в Учебный отдел и тянуть еще несколько месяцев ту же лямку.

Мне, однако, все же повезло. Вскоре на должность заместителя министра был назначен В. Зорин, один из опытейших наших дипломатов, который до этого работал послом в Чехословакии (впоследствии, в 60-х годах, был постоянным представителем СССР в ООН). Ему нужен был свой секретариат из нескольких дипломатических работников. Мой начальник по Учебному отделу И. Поповкин был хорошо с ним знаком и, зная, что я рвусь на дипломатическую работу, порекомендовал Зорину взять меня к себе.

У Зорина, человека умного и добрейшего, я проработал несколько лет, до 1952 года, и стал его главным помощником. Он многому меня научил – не только требовал принести ему соответствующую документацию или проследить за ее подготовкой в разных отделах МИД, но и постоянно спраши-

вал мое мнение, по существу, постепенно все больше и больше полагаясь на мои оценки. Так что приходилось тщательно разбираться в делах. Я внимательно следил за прохождением и решением важных вопросов, особенно когда они уходили «наверх» – к Вышинскому, Молотову и даже Сталину, а затем возвращались к нам. Если что мне было непонятно, то я, выбрав удобный момент, спрашивал у Зорина, почему вопрос был решен так, а не иначе. Он обычно охотно давал мне пояснения.

Надо сказать, что в то время работа всего государственно-го аппарата была построена необычным и, по существу, явно нездоровым образом. Все делалось «под Сталина».

Он обычно начинал свою работу в 4–5 часов дня. Соответственно, Вышинский и Молотов появлялись в министерстве где-то около часа или двух. Их заместители – в 11 или 12 часов дня. Мы же, работники секретариата, по очереди несли круглосуточное дежурство. Основные помощники приходили ежедневно в 9 или 10 часов утра, чтобы рассортировать и подготовить поступающие документы.

Заместители министров (и их помощники) оставались на работе до 3–4 часов утра, то есть до того момента, когда Сталин уходил спать. Боже сохрани, чтобы Сталин кому-то позвонил ночью, а его не оказалось на работе. Выматывались мы все (со своими начальниками) здорово. Подремлешь – по очереди с другими помощниками – на служебном диване – и снова за работу.

Нам, помощникам заместителя министра, не приходилось лично общаться со Сталиным. Но его имя вызывало у всех нас трепет. Правда, однажды я встретился с ним лицом к лицу. Перед заседанием политбюро, на которое был вызван и Зорин, ему понадобился какой-то документ. Он позвонил из Кремля и потребовал срочно привезти этот документ.

Иду быстрым шагом по длинному коридору Кремля к залу заседаний политбюро. Вдруг вижу в коридор с другой стороны входит Сталин с охраной и медленно идет мне навстречу. Коридоры в Кремле высокие, длинные, но узкие. От двери к двери большие расстояния. Я быстро огляделся налево, направо: близко нет ни двери, ни бокового коридора. Я прижался тогда спиной к стенке и стал с волнением ждать, пока Сталин пройдет мимо.

Он, конечно, заметил мое замешательство. Подойдя ближе, спросил, кто я и где работаю. Затем, как бы подчеркивая свою мысль медленным движением пальца правой руки перед моим лицом, сказал: «Молодежи нечего опасаться товарища Сталина. Он ей друг». Кивнув, пошел дальше.

Когда поздно вечером я рассказал обо всем этом Зорину, он сперва встревожился, но, услышав, что Сталин вел себя «вполне добродушно», несколько успокоился. Правда, как бы вскользь, бросил реплику, что «Сталин непредсказуем, и лучше ему не попадаться на глаза».

Надо сказать, что и по делам МИД Сталин принимал порой крутые решения. Помню, как с одного из заседаний по-

литбюро вернулся потрясенный Зорин. А причина была вот в чем.

В МИД был подготовлен документ, согласованный с Министерством финансов, об обменном курсе китайского юаня на советские рубли. Зорин, который в то время вел китайские дела, подготовил предложения для окончательного одобрения Громыко (в тот момент он временно исполнял обязанности министра). Громыко тянул с ответом: с одной стороны, он не хотел беспокоить Сталина по такому, казавшемуся ему не столь уж важным, вопросу, а с другой стороны, природная осторожность и осмотрительность Громыко также давали себя знать.

Так получилось, что китайцы и наше посольство в Пекине стали вновь настаивать на решении этого вопроса. Зорин опять их поддержал. Весьма неохотно и с колебаниями Громыко все же утвердил этот документ.

Через какое-то время об этом узнал Сталин. Он поставил этот вопрос на обсуждение в политбюро и оценил действия Громыко и Зорина как «вопиющее превышение власти зазнавшихся чиновников МИД». Он спросил членов политбюро, какого наказания заслуживают виновные. Поскольку никто не знал, куда клонит дело Сталин, то все отмалчивались.

Сказав еще пару крепких слов, Сталин предложил освободить Громыко от должности первого заместителя министра и направить его (тут Сталин выдержал паузу)... послом в Англию. А Зорину объявить строгий выговор с преду-

преждением. Такое решение и было принято. Громыко пришлось ехать послом в Лондон, где он пробыл девять месяцев; после Громыко вернули на прежний пост первого заместителя министра.

Он вспоминал, что Сталин свои публичные выступления, вплоть до докладов на партийных съездах, готовил сам, хотя и требовал для этого много разных материалов. На заседаниях политбюро он не ограничивался лишь критикой тех или иных дипломатических нот, подготовленных МИД, но порой прямо диктовал свой новый текст, который тут же записывал Громыко.

В целом Сталин благоволил к Громыко и считался с его мнением. Громыко, отличавшийся крайней сдержанностью, уже после смерти Сталина в редких частных беседах говорил о Сталине с заметным восхищением.

Ему, в частности, запомнился необычный совет, который дал ему Сталин, когда посылал его посланником в Вашингтон, «в подкрепление» Литвинову¹. Узнав, что тот плоховато еще знает английский язык, Сталин посоветовал ему ходить в американские церкви и слушать проповеди. Эти проповедники, сказал он, говорят на понятном народу языке и выра-

¹ Как исторический курьез старожилы МИД из кадрового управления рассказывали следующее. Литвинов не любил Громыко. Когда, по заведенному порядку, Литвинов прислал ежегодные характеристики своих сотрудников, то в первой характеристике Громыко было написано, что он «к дипломатической службе не подходит». Позже эта характеристика, как говорят, исчезла из архива МИД. (Здесь и далее примеч. авт.)

жают его повседневные нужды и заботы, а значит, и общие внутривластные настроения в стране. Будучи уже в Вашингтоне, Громыко, конечно, не рискнул ходить в церковь, но, как он позднее сам признался, регулярно слушал по радио воскресные проповеди.

Советник посольства. С Молотовым по США

В начале 1952 года я решил переговорить с Зориным насчет дальнейшей работы. Проработав у него в секретариате около пяти лет, я, естественно, захотел попробовать свои силы в каком-либо посольстве. Он поддержал мое желание. Прошло некоторое время, и Зорин сам вернулся к этому разговору. Скоро, сказал он, освобождается должность посланника в Швейцарии, и я буду рекомендовать вас на эту должность.

По установившейся традиции все рекомендации на должность посла или посланника, а также другие важные вопросы рассматривались тогда у министра Вышинского в присутствии всех его заместителей и самих кандидатов на посты. Созывались эти совещания практически ежедневно, обычно в 12 часов ночи. Фактически так повелось, что на них говорил в основном один Вышинский (или затевал дискуссии, где можно было блеснуть красноречием, в чем ему нельзя было отказать).

И вот в повестку дня одного из таких ночных бдений у министра был включен вопрос о моем назначении в Швейцарию. Так состоялась моя вторая встреча с Вышинским. Когда дошли до обсуждения моего вопроса, он сразу вспомнил, что я отказался от престижного поста в учебном отде-

ле. «Вы тогда говорили мне о своем желании активно поработать за границей, – начал иронизировать он. – И выбрали сейчас «самый активный пост» – Швейцарию, куда обычно едут одни пенсионеры или те, кто скоро уходит на пенсию. Этот номер не пройдет».

Я ответил, что не сам выбрал эту страну, а мне ее предложили, и что я готов поехать в любую другую страну, где есть такая необходимость.

«Вот это другой разговор», – подхватил Вышинский. «Куда бы его послать, чтобы он, молодой и полный сил, мог действительно потрудиться, а не расслабляться?» – задал он риторический вопрос. Все молчали, не зная, куда министр клонит.

Потом, как бы осененный блестящей мыслью, Вышинский быстро сказал: «А давайте-ка пошлем его советником в посольство в Вашингтоне, отношения у нас с американцами очень плохие, напряженные, пусть там поработает над их улучшением».

На том он и порешил. Так неожиданно меня назначили на американское направление (о чем я никогда не жалел), на котором я проработал на различных должностях почти всю свою дипломатическую жизнь – с 1952 по 1992 год.

Итак, осенью 1952-го я отправился в Вашингтон в качестве советника посольства. В то время работники МИД, ехавшие на работу в США, направлялись не самолетами (что было тогда дороже), а пароходом из французских портов в

Нью-Йорк. Нам с женой довелось попасть на роскошный океанский лайнер «Иль де Франс», и мы впервые – уже на практике, а не в стенах Дипшколы, – должны были пройти курс «высшего этикета».

Все вроде обошлось, кроме небольшого конфуза с меню. Когда мы с женой пришли в зал-ресторан, нам дали красивое меню с длинным списком разнообразных блюд. Большинство названий было совершенно незнакомо, да к тому же все было написано на французском языке, которого мы совсем не знали. Долгое время мы изучали это меню, а затем «бросились головой в омут – что будет, то будет», показав официанту на понравившиеся нам названия. Чтобы быстрее освоиться с кругом названий, мы с женой сделали разные заказы. Когда я делал свой заказ, то почувствовал, что-то тут не то, но официант был невозмутим и записал мой заказ. Через некоторое время он принес мне два разных супа, так как заказанное мною «второе блюдо» тоже оказалось супом. Жена моя оказалась более удачливой в своем выборе. Чтобы не попасть больше впросак пришлось взять меню с собой в каюту и основательно проштудировать его с помощью словаря.

27 сентября 1952 года стал первым днем моей работы в посольстве в Вашингтоне. Послом в это время был Зарубин, заслуженный ветеран дипломатической службы, до этого побывавший послом в Канаде и Англии. Внешне он выглядел сурово и строго, как достойный представитель «сталинской школы», хотя в целом он был неплохим, отзывчивым и

справедливым человеком. У него был один сугубо личный «секрет», который он старательно скрывал: английский язык знал плоховато, хотя и прослужил более десяти лет послом в различных англоговорящих странах. Однако репутация в МИД у него была высокая, при этом подразумевалось, конечно, что он свободно говорит по-английски.

Я с головой окунулся в работу. Мне вначале было поручено вести внутриведомственные дела и экономику США, что, естественно, не вызвало у меня большого энтузиазма, поскольку, как и всех молодых сотрудников МИД, меня интересовали внешнеполитические вопросы. Но ничего не поделаешь, пришлось подчиниться и возглавить работу соответствующего отдела посольства. Должен, однако, признаться, что в последствии я был благодарен послу Зарубину за то, что он сперва посадил меня на эти «малоинтересные» проблемы, которые в МИД большинство сотрудников (и я вместе с ними) знали лишь поверхностно и которые мне пришлось в Вашингтоне изучить довольно глубоко. Это очень помогло в моей дальнейшей дипломатической работе.

Тем временем я стал «набирать очки» и во внешнеполитических делах посольства. Дело в том, что при подготовке важной информации для Москвы или ответа на соответствующие запросы посол собирал у себя советников посольства для обмена мнениями. Я довольно быстро обнаружил, что, хотя по конкретному знанию отдельных сторон жизни в США я еще отставал от своих коллег, в то же время в вопро-

сах большой политики я ориентировался заметно лучше их. Тут сказывался большой опыт работы в секретариате МИД.

Так получилось, что в течение короткого времени Зарубину пришли один за другим два важных запроса о возможных рекомендациях посольства по двум конкретным делам. При подготовке ответов мнения разошлись: я предлагал один вариант, а другие советники – другой. В обоих случаях посол принял сторону моих коллег. Однако вскоре пришли телеграммы, в которых посольству указывали, как действовать по упомянутым делам. И в обоих случаях эти указания были ближе к тем соображениям, которые я высказывал на совещаниях у посла.

Вскоре посол получил запрос лично от самого Сталина, что было крайне редким событием, так как обычно запросы поручалось делать министерству. Был срочно подготовлен ответ. При обсуждении его у посла картина повторилась: я снова оказался в меньшинстве. После долгих колебаний посол все же послал мнение «большинства». В ответ пришла неприятная телеграмма из Москвы: «Ваше предложение недостаточно продумано».

После этого случая посол пригласил меня для беседы наедине. Он хотел понять, каким образом мне удастся «угадывать мысли Москвы». Сказал ему, что тут нет никакого особого секрета: просто срабатывают «чутье и опыт», приобретенные мною в процессе подготовки в течение длительного времени проектов важных решений.

Зарубин после этого издал распоряжение, чтобы все проекты телеграмм из посольства в Москву предварительно визировались мною, прежде чем их давать на подпись послу. 24 июля 1954 года я был назначен советником-посланником посольства.

В 1955 году в Сан-Франциско торжественно отмечалось 10-летие со дня создания ООН. Советскую делегацию возглавлял Молотов. В Нью-Йорк он прибыл пароходом, но в Сан-Франциско решил поехать поездом, чтобы немного посмотреть страну. В поездку он взял с собой Зарубина, а тот меня. К этому времени я вроде неплохо разбирался в проблемах страны и мог быть полезен в поездке.

Мы проехали по железной дороге три дня и две ночи. На станциях собиралось много любопытствующих, желавших увидеть «живого Молотова». Холодная война была в разгаре, но поездка прошла, к счастью, без всяких эксцессов или инцидентов. Лишь на остановке в Чикаго, где живет много эмигрантов славянского происхождения и где находилось руководство профсоюзов, враждебно настроенных против СССР, собралась довольно большая толпа, которая, когда Молотов выглянул из окна, начала громко кричать: «Бу-у-у...» (но без других проявлений прямой враждебности).

Когда поезд тронулся, Молотов спросил Зарубина, что кричали собравшиеся.

«А это, Вячеслав Михайлович, знак приветствия у американцев», — не моргнув глазом сказал посол (фактически же

в США это проявление неодобрения).

Молотов посмотрел на него с некоторым недоумением, заметив, что у американцев странный способ приветствовать иностранцев.

Я промолчал, чтобы не подводить посла.

Еще об одном случае хотел бы вспомнить, эпизод небольшой, но довольно характерный для оценки умонастроения Молотова.

По дороге из Нью-Йорка в Сан-Франциско нас в поезде сопровождал (в своем купе) официальный представитель Госдепартамента. Человек весьма любезный, нам не надо-едал, хотя охотно помогал, если к нему обращались за помощью.

Как-то Молотов заинтересовался местами, где мы проезжали, и захотел посмотреть по карте, где мы находимся. У нас, к сожалению, ни у кого не оказалось карты. Обругав всех нас «безмозглыми», он надулся. Что делать?

Я пошел тогда к американцу. Он сказал: «Нет проблем, подождите следующей остановки, и у вас будет карта».

И действительно, он вскоре принес красочную карту с указанием железных дорог и всех станций на нашем пути. Однако на ней было одновременно показано местоположение крупных военных лагерей и баз на этой территории с указанием железнодорожных станций, где надо было сходиться, чтобы добраться до этих объектов.

Принесли мы эту карту Молотову. Министр ужаснулся,

увидев обозначения баз и военных лагерей. Заявил, что это провокация, что нам нарочно подсунули секретную карту, а потом дадут сообщение в печати, что Молотов по дороге занимался сбором секретной информации. «Вернуть сейчас же эту карту».

Пришлось опять идти к «связному». Он рассмеялся и сказал, что это совсем не секретная карта, что на каждой станции США ее можно получить бесплатно. Она годится и для туристов, «как в данном случае», но основное ее назначение – для подгулявших или потерявшихся по разным причинам военнослужащих рядового состава, чтобы они лучше знали, как добираться до своих лагерей или сборных пунктов, местоположение которых не является секретом, так как они не являются секретными базами.

На следующей станции он достал для нас карту из какого-то почтового отделения, но без указания баз и лагерей. Ее мы и отдали Молотову, который был явно удовлетворен своей «бдительностью». Старую же карту, не говоря ему, я взял себе как сувенир – на память о поездке.

В Сан-Франциско мне пришлось везде сопровождать Молотова и переводить его беседы, поскольку его постоянный переводчик и помощник О. Трояновский вынужден был срочно вернуться из США в Москву на похороны отца. Должен сказать, что я тут впервые оценил всю сложность и трудность работы переводчика, хотя со стороны она и кажется довольно простой. Надо было точно переводить все нюансы

бесед, ибо за ними порой скрывался важный дипломатический и политический смысл. И хотя я уже неплохо говорил и понимал по-английски, но для работы в качестве профессионального переводчика я вряд ли был готов, хотя в целом мне удавалось без больших накладок вести перевод бесед на политические темы.

Дополнительная сложность была в том, что когда Молотов хотел послать в Москву информацию о своих беседах, скажем, с Даллесом, то мне приходилось затем на память делать эту запись (профессиональный переводчик должен знать стенографию, я же этого не умел). Молотов обязательно затем просматривал шифротелеграмму перед отправкой.

Непросто было и с отправкой таких телеграмм в Москву. У нас не было в то время своего представительства в Сан-Франциско. Для Молотова мы временно сняли небольшую виллу в окрестностях города. Наша служба безопасности была уверена, что американцы поставили там немало звуко- и видеозаписывающей аппаратуры. Однако обнаружить ее не удавалось. Тем не менее, чтобы американцы «не подсмотрели» за работой шифровальщиков, они ложились на кровать с документами и шифроблокнотами, а мы, сотрудники, держали над ними одеяла, чтобы нельзя было делать «фотосъемок с потолка».

Надо сказать, что сильные опасения насчет «подслушивания» и «подглядывания» проявлялись с обеих сторон. Припоминается довольно забавный случай. В Москве, через па-

ру лет после окончания войны, проходило совещание министров иностранных дел. Проводилось оно в известной еще до революции старинной гостинице «Яр» (потом «Советская»). Рабочие помещения для американской делегации были отведены на втором этаже. Под ними находились два ресторанных зала.

И вот в первый же вечер работы совещания посетители одного из залов заметили, что огромная подвесная люстра в центре зала сильно задрожала. Поднялась тревога. Наверх были срочно посланы рабочие. Им долго не открывали двери. Когда же американцы, которые были там, все же пустили рабочих, то выяснилось вот что. Приехавшая с американской делегацией спецслужба стала проверять, нет ли в отведенных для делегации комнатах подслушивающих устройств. Посредине комнаты их приборы обнаружили под полом какую-то металлическую массу. Вскрыли в этом месте паркет и увидели под паркетом какие-то металлические конструкции с проводами. Американцы стали дальше разбирать, отвинчивать отдельные детали. А это было крепление большой люстры, которая и начала раскачиваться. Хорошо, что это вовремя заметили и предотвратили падение люстры и возможные человеческие жертвы.

Вернемся, однако, в Сан-Франциско. Мне довелось переводить там все беседы Молотова с госсекретарем Даллесом. Разговор был обычно жесткий и походил, скорее, на диалог двух глухих, хотя и соблюдались внешние дипломатиче-

ские рамки бесед. Это было символическое противостояние наиболее ярких представителей двух идеологических систем мира. И пока они и им подобные находились у власти, холодная война не имела никаких шансов на потепление, а советско-американские отношения не могли продвинуться ни на шаг вперед.

Приведу пример. В ходе дискуссии Молотов – как свидетельство враждебных намерений США – заявил, что Вашингтон стремится окружить СССР по всему периметру его границ американскими военными базами. Даллес кратко, но резко ответил, что американское правительство не собирается отчитываться перед правительством СССР за подобные свои действия, так как считает, что они отвечают национальным интересам Америки и осуществляются путем открытых договоров со странами, где эти базы размещаются. Так Вашингтон намерен поступать и дальше, если это будет нужно.

Поскольку Трояновский так и не вернулся из Москвы, Молотов предложил мне сопровождать его на пароходе «Куин Мэри» из Нью-Йорка в Европу.

На этот раз работы было немного. Молотов практически никуда из каюты не выходил, а завтрак, обед и ужин ему приносили прямо туда. Надо сказать, что он был непритворно в еде и заказывал самые простые кушанья. По утрам вообще ел только одну «свою кашу», которую ему готовил сопровождавший его повар, – ничего другого на завтрак Молотов не признавал. Шеф-повар парохода, профессиональная гор-

дость которого, чувствовалось, была задета, предлагал сделать любую кашу, которую «только пожелает господин Молотов», ибо у них на кухне есть все мыслимые и немыслимые продукты. Но поскольку наш босс упорно отказывался, то каждое утро можно было наблюдать своеобразную «ритуальную» процессию. Из кают выходила цепочка людей: впереди шел советник-посланник, то есть я, для ведения «переговоров» с окружающим миром, если это понадобится. Затем — наш повар со своим котелком. Замыкал шествие начальник охраны полковник Александров. Приходили мы на большую кухню, где все повара, широко раскрыв глаза, смотрели, как наш повар священнодействовал над своей кашей. После этого он обертывал котелок с кашей полотенцем, и процессия в обратном порядке возвращалась к каюте министра.

Из Москвы я вылетел в Вашингтон. Однако через несколько недель был получен неожиданный приказ о моем назначении одним из помощников министра. Я должен был выехать в Москву.

Откровенно говоря, мне нравилась работа в посольстве. Появилось немало знакомств и связей с американцами и дипломатами других стран. Передо мной открылся новый и интересный мир, и возвращаться теперь в строго ограниченный регламентом порядок работы и круг одних и тех же людей в секретариате мне явно не хотелось. Но приказ есть приказ — пришлось подчиниться.

Помощник трех министров

У Молотова я проработал около года. Должен признаться, что в психологическом плане это был самый трудный период всей моей дипломатической работы. Все больше обострялись отношения Молотова с Хрущевым (эта борьба, как известно, закончилась изгнанием Молотова и некоторых других членов политбюро со всех постов). Соответственно он становился все более раздражительным, подозрительным и несдержанным, а все это повседневно и болезненно отражалось на сотрудниках аппарата.

В то же время мне запомнилась его исключительная организованность в работе. Большой письменный стол Молотова в Кремле мысленно как бы делился на восемь ячеек, куда мы, помощники, и должны были аккуратно класть всю корреспонденцию: к заседаниям политбюро, Совета министров, МИД и т. п. Когда он приходил на работу, то – в зависимости от времени – начинал просматривать бумаги в ячейках по порядку их важности и срочности. Не дай бог, если помощник положил документ или шифротелеграмму «не по тому порядку», который в этот день хотел бы видеть Молотов. Поднимался скандал!

Когда у министра было время, то он после обеда ложился в задней комнате отдохнуть – 45 минут. Ни минуты больше! У дверей стоял начальник охраны, который строго следил за

временем и будил, как было положено.

Молотов не любил длинных речей или прений на служебных совещаниях, которые он проводил, сам он выступал сухо, кратко, по существу.

В области внешней политики Молотов занимал крайне догматические позиции. После смерти Сталина он, по существу, продолжал следовать его внешнеполитическому курсу. В этот период в политбюро проходили жаркие споры по поводу австрийского мирного договора и вывода союзнических войск из Австрии. Молотов был решительным противником таких шагов, так как считал, что вывод советских войск из Австрии значительно ослабляет позиции СССР в центре Европы и лишает СССР немалой доли его завоеваний в итоге Второй мировой войны.

Однако настрой в мире и в Европе спустя 10 лет после окончания войны был уже иной. Заметно росли настроения в пользу стабилизации отношений между бывшими союзниками по войне. С этим не могли не считаться в Москве. В результате Молотов оказался в меньшинстве в политбюро, и договор с Австрией был подписан. Это был удар по авторитету Молотова в области внешней политики, где до недавнего времени он был практически монополистом.

В 1955 году мне впервые довелось принимать участие в качестве помощника министра в совещании глав правительств четырех держав в Женеве с 18 по 23 июля. В нем участвовали Булганин, Эйзенхауэр, Иден и Фор. В состав

советской делегации входили также Хрущев и Молотов. Хотя Булганин был официальным главой советской делегации (как Председатель Совета министров СССР), он ограничивался в основном чтением заранее подготовленных речей, а в дискуссиях наиболее активную роль играл Хрущев.

На совещании обсуждались такие вопросы, как объединение Германии, европейская безопасность, разоружение, развитие контактов между Востоком и Западом.

В целом на совещании не было достигнуто договоренности по обсуждавшимся вопросам, так как позиции западных держав и наши сильно расходились. Главы правительств все же утвердили директивы министрам иностранных дел четырех держав, которым поручалось продолжить в октябре 1955 года рассмотрение вопросов повестки дня совещания: вопросы европейской безопасности и германские проблемы.

О некоторых личных наблюдениях. Делами американской делегации на совещании заправлял госсекретарь Даллес. Президент явно «плавал» во внешнеполитических вопросах, поскольку с самого начала своего президентства передоверил их Даллесу и не проявлял к ним большого интереса. В результате Эйзенхауэр не раз попадал в затруднительное положение, когда на совещании возникала полемика по тому или иному конкретному вопросу, деталей которого он, конечно, не знал. Даллес то и дело приходил к нему на помощь.

Помню такой эпизод. Возникла дискуссия вокруг наших

обвинений в том, что НАТО является агрессивным блоком, готовящим войну против СССР. Эйзенхауэр отрицал это. Хрущев неожиданно спросил его: «А почему вы тогда отказались принять нас в НАТО?»

«А вы разве обращались с таким предложением?» – изумленно спросил президент.

«Несколько месяцев тому назад».

Эйзенхауэр явно растерялся. Дело в том, что действительно, по инициативе Хрущева, в основном с пропагандистскими целями МИД в одной из своих нот западным державам затронул эту тему.

Даллес, как и ожидала Москва, сразу отклонил тогда это предложение, но, как выяснилось, совсем не информировал Эйзенхауэра по этому поводу. Пришлось ему уже на самом совещании срочно шепотом объяснять своему попавшему впросак президенту суть дела. А в это время остальные главы правительств многозначительно переглядывались, стараясь скрыть свои улыбки. Впрочем, к заметному облегчению Эйзенхауэра Хрущев не стал настаивать «на приеме СССР в НАТО».

В перерывах между заседаниями Хрущев несколько раз оживленно говорил с Эйзенхауэром. В целом – на личной основе – к концу совещания у них появились даже взаимные симпатии. Эйзенхауэра пригласили «побывать в Советском Союзе».

Хрущев по-своему ценил порядочность Эйзенхауэра. Из-

вестно его высказывание впоследствии на одном из заседаний политбюро: «Я не берусь судить, насколько Эйзенхауэр годится быть президентом, об этом решать американскому народу, но как отец и дед я без колебаний доверил бы ему своих ребят в школе или детском саду». Но если оставить в стороне этот типично хрущевский юмор, то надо сказать, что Хрущев был уверен, что Эйзенхауэр не допустит крупной военной конфронтации между СССР и США. Тут он верил ему «как фронтовик фронтовику».

Тем временем личные отношения Молотова с Хрущевым все больше портились. В результате Молотов был освобожден от работы в МИД, хотя и оставался еще членом политбюро. На пост министра был назначен протеже Хрущева Шепилов, главный редактор газеты «Правда». Он привел с собой в секретариат сотрудников газеты, с которыми до этого работал. Я оставался в секретариате единственным «старожилом-мидовцем». Вскоре я попросил нового министра отпустить меня на оперативную работу, так как слишком много времени проработал в разных секретариатах. Он обещал это сделать, но лишь через несколько месяцев, когда его газетчики с моей помощью получают необходимый навык на новом месте.

Шепилов был полной противоположностью Молотова. Он был общителен, доступен, не догматик. Не в пример своему предшественнику слушал дельные советы и поощрял инициативу своих сотрудников. Недостатком его все же были из-

вестная поверхностность, отсутствие твердой системы собственных взглядов. Он чересчур полагался на экспертов, явно не желая тратить много времени на детальное изучение всех тех вопросов, которые ему докладывались. В результате на первых порах на заседаниях политбюро он подчас сильно «плавал», но постепенно стал осваиваться, пройдя непростую трансформацию от главного редактора партийной газеты до министра иностранных дел.

И все же его известная «раздвоенность» сказывалась при подготовке важных речей. Обычно в таких случаях – особенно в начале своей деятельности, когда, например, он возглавлял нашу делегацию на международной конференции в Лондоне по Суэцкому каналу, – он создавал две «команды». Одну – из знакомых ему журналистов, которые отличались броскостью слога и ярким литературным «стилем». Другая команда, в которую входил и я, – из профессиональных работников МИД. У них был сухой стиль, но зато их вариант выступления отличался точностью формулировок, достоверностью, документальностью. Из двух вариантов, которые ему предлагались, Шепилов и составлял свою речь. Правда, постепенно он стал отдавать предпочтение «профессиональному» направлению и вскоре стал ограничиваться тем материалом, который готовился в МИД.

Впрочем, Шепилов не оставил сколько-нибудь заметного следа на работе в МИД, поскольку вскоре был отстранен с поста министра вместе с группой старых членов политбю-

ро, выступавших против Хрущева (Молотов, Булганин, Каганович и другие; Шепилов, по оплошности, присоединился к ним в последний момент, за что и поплатился).

Министром иностранных дел был назначен Громыко, проработавший на этом посту почти тридцать лет. Воспитан он был на сталинско-молотовских принципах, хотя как министр имел свою точку зрения. В этом смысле он был более гибок, чем Молотов, но эта гибкость проявлялась им довольно редко. Он мог, не моргнув глазом, десятки раз повторять в беседах или переговорах со своими иностранными коллегами одну и ту же позицию, хотя порой уже было видно, что она изжила или изживает себя. Его отличала высокая дисциплинированность: он самым точным образом выполнял инструкции политбюро и генерального секретаря ЦК КПСС, не позволяя себе отойти от них ни на шаг, хотя порой ситуация и могла требовать иного. Судя по всему, эта дисциплинированность и отсутствие каких-либо амбиций в отношении других постов в партийном и государственном руководстве страны и позволили ему так долго находиться на посту министра. К этому следует добавить и следующее: он обладал каким-то природным чутьем определять будущего победителя в периодических схватках за власть в советском руководстве и вовремя становиться на его сторону. Разумеется, его высокий профессионализм никем не ставился под сомнение.

С самого начала у меня сложились с ним неплохие личные

отношения. Он удовлетворил мою просьбу освободить меня, наконец, от работы в секретариате министра. По его рекомендации Генеральный секретарь ООН Хаммершельд назначил меня своим заместителем. Одновременно мне был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Заместитель Генерального секретаря ООН

В это время в Секретариате ООН, в разных департаментах, работало всего около 150 советских сотрудников, что было явным недобором, поскольку сотрудники от различных стран набирались по квотам, в зависимости от их финансового вклада в бюджет ООН. Советскому Союзу (второй по величине взноса стране) «полагалось» 290–300 человек. Соответственно, Москва стремилась заполнить эту квоту. Однако квалифицированных сотрудников на должности «международных чиновников», знающих язык и тематику ООН, явно не хватало, да и далеко не все профессионалы-дипломаты хотели идти на эту весьма специфическую работу международной организации.

К тому же квота частично пополнялась сотрудниками различных спецслужб, что бросало тень на всех остальных советских сотрудников, которых вообще в период холодной войны руководство ООН старалось не допускать до важных или «чувствительных» постов в Секретариате, где господствовало американо-английское большинство.

Был еще один негативный психологический фактор работы в Секретариате ООН. Зарплата там была значительно выше зарплаты работников того же ранга в постоянном представительстве СССР при ООН. Чтобы ликвидировать эту

«несправедливость», кто-то в нашем правительстве предложил: обязать всех советских сотрудников Секретариата ООН ежемесячно негласно сдавать разницу в окладах в кассу советского представительства. Я, как и другие сотрудники, постоянно сдавал более половины своей зарплаты (лишь в 1990 году «взбунтовавшиеся» советские сотрудники ООН отказались сдавать этот ежемесячный «оброк», и он был отменен).

Консерватизм общего мышления Москвы проявился в то время и в таком простом, казалось, деле. Все сотрудники Секретариата получали зарплату не наличными, а в виде чеков одного из крупнейших банков США, имевшего специальное отделение в ООН. Поскольку не было нужды получать всю зарплату наличными, соответствующие суммы аккумулировались в банке, который выдавал нам чековые книжки, и мы пользовались ими по мере необходимости.

Когда в Управлении кадров ЦК КПСС узнали об этом, то там пришли в ужас: советские сотрудники в ООН совсем «обуржуазились» – у них теперь появились чековые книжки, «как у капиталистов».

Потребовалось несколько месяцев, прежде чем мне – от имени остальных сотрудников (я был старший по должности) – удалось доказать всю абсурдность таких обвинений, и нам было разрешено иметь чековые книжки (однако такой негласный запрет фактически сохранялся в отношении сотрудников советских посольств еще долгое время).

Должен признаться, что первоначально перспектива рабо-

ты в Секретариате ООН меня не очень прельщала. Я опасался, что буду фактически отстранен от активной дипломатической работы, к которой я уже привык в посольстве в Вашингтоне.

Мои сомнения разрешил министр. Он предоставил мне право самостоятельной шифропереписки из Нью-Йорка, минуя постоянного представителя, не только по делам ООН, но и вообще по вопросам наших отношений с США. Примерно раз или два в неделю я посылал свои наблюдения и соображения из Нью-Йорка, этого важнейшего политического и финансового центра Америки, где у меня появились достаточно обширные связи. Как мне потом говорили, часть моих сообщений посылалась из МИД в порядке информации в правительство СССР. Видимо, это сыграло свою роль, когда меня через три года, в начале 1960-го, отозвали из Секретариата ООН и назначили членом коллегии МИД и заведующим отделом стран Америки.

Но вернемся к работе в Секретариате ООН. По традиции для каждого своего нового заместителя (их было около десяти из разных стран) Хаммершельд устраивал обед в одном из фешенебельных частных клубов (на 53-й улице Нью-Йорка), членом которого он состоял. Такой же обед он устроил и для меня. Поскольку Генеральный секретарь немного запаздывал, зашел разговор о привычках и вкусах нашего босса. Один из моих коллег подвел меня к небольшой коллекции ультрамодернистских картин, любимых Хаммершельдом (но

этот жанр был не в моем вкусе). Одна из картин, как мне сказали, особенно нравилась Хаммершельду. Какое-то озорство нашло на меня. Я быстро перевесил ее «вверх ногами» и шутливо спросил, меняется ли от этого ее художественное восприятие. Большинство согласилось, что нет.

В этот момент приехал Хаммершельд. Он заметил, что мы собрались у картин, и на правах хозяина стал показывать их мне, хваля искусство современного модернизма. Подошли мы и к «моей» картине, которую я не преминул похвалить, он согласился со мной. Заметив плохо скрываемые улыбки окружающих, он стал еще раз внимательно всматриваться в картины и тогда обнаружил, что одна из картин выглядит «не совсем обычно». Вскоре шутка раскрылась, но Хаммершельд, видимо, решил, что со мной «надо держать ухо востро». Я это почувствовал позже.

Так началась совместная работа с Хаммершельдом. У нас с ним установились своеобразные личные отношения. Я был единственный из его заместителей, который не очень зависел от него как «работодателя», так как я был как бы отдан ему «взаймы» из действующей дипломатической службы и мог туда вернуться в любой момент по решению своего правительства. Другие заместители не были профессиональными дипломатами, и их выгодные деловые контракты с Секретариатом ООН, а также их продление целиком зависели от Генерального секретаря.

Поэтому я позволял себе (с соблюдением, конечно, необ-

ходимого такта) порой не соглашаться с Хаммершельдом, когда он проводил со своими заместителями совещания по пятницам для обсуждения работы Секретариата по вопросам, которые рассматривались в ООН, или вообще крупных текущих международных проблем. А так как Хаммершельд не очень был осведомлен в нюансах советской внешней (и внутренней) политики, то у меня было достаточно убедительных поводов, чтобы время от времени вступать в дискуссии с ним. В то время – в мой начальный период работы там – у меня фактически не было других возможностей, помимо встреч по пятницам, для сколько-нибудь подробных бесед с ним, поскольку он все время замыкался на своих двух американских заместителях – Кордье и Банча – и мало встречался с другими заместителями.

Видимо оценив ситуацию, Хаммершельд однажды пригласил меня к себе и сказал, что на этих встречах я один из всех заместителей задаю ему самые сложные и деликатные вопросы, на которые он не может всегда отвечать подробно или откровенно. Давайте, сказал он, лучше договоримся так: как только у вас возникнут серьезные вопросы или у меня самого будут неясности по поводу позиции Москвы, мы будем встречаться по вечерам вдвоем и обсуждать их, не вынося на общие совещания.

Я, разумеется, согласился. Эти вечерние собеседования постепенно вошли в обычай и представляли определенный интерес – помогали понять «внутренний мир» Хаммершель-

да, который был далеко не простым. Иногда он даже давал прочесть отрывки из своего дневника, в котором записывал свои впечатления от поездок в другие страны (в качестве Генерального секретаря ООН) и бесед с их руководителями. Частенько он высказывался саркастически в отношении своих собеседников.

Сложившиеся отношения с Хаммершельдом позволили установить негласный канал между ним и советским руководством, что давало возможность сохранять определенное взаимопонимание и корректные отношения Москвы с ним в период моего пребывания на посту его заместителя.

Хаммершельд был «рафинированным» интеллектуалом и дипломатом. Блестяще образован, хорошо знал искусство и литературу. Происходил из известной шведской аристократической семьи (отец его был одно время премьером Швеции).

У Хаммершельда был философский склад ума. Хотя он мог быстро писать или формулировать различные документы, ход изложения им своих мыслей (особенно устно) подчас был чересчур витиеватым и замысловатым, что затрудняло их восприятие.

Именно поэтому его недолюбливал Хрущев. Вспоминается в этой связи курьезный эпизод. Хаммершельд очень хотел побывать в Советском Союзе по приглашению Хрущева. Я постарался, чтобы такое приглашение ему было послано.

Хаммершельд был очень доволен и начал тщательную

подготовку к этой поездке. Я, конечно, должен был его сопровождать. Хорошо зная характер Хрущева, я посоветовал Хаммершельду как можно проще строить беседу с ним, не усложнять ее никакими чересчур сложными умозаключениями, особенно в отношении проектов коренной перестройки ООН и будущего устройства всего мира на рельсах всемирного правительства (Хаммершельд этим увлекался и надеялся сказать «новое слово» в этом вопросе). Я предложил Хаммершельду «не отрываться от земли» и сосредоточиться на двух-трех конкретных вопросах текущей деятельности ООН.

Хаммершельд вроде понял и согласился со мной. Каково же было мое удивление, если не сказать сильнее, когда во время встречи в Крыму на вопрос Хрущева «что нового в ООН», Хаммершельд пустился в длинные и скучнейшие рассуждения о будущем мироустройстве и возможной благотворной роли ООН во всем этом. В общем, стал напускать, как любил говорить в таких случаях Хрущев, всякого «умственного тумана».

Минут через двадцать такого монолога Хаммершельда явно раздраженный Хрущев со свойственной ему грубоватостью сказал переводчику: «Спросите у г-на Хаммершельда, не хочет ли он сейчас сходить в туалет?»

Переводчик не знал, надо ли все это переводить. Тогда Хрущев сказал ему, чтобы он перевел все точно, «без дипломатических ухищрений». Хаммершельд явно растерялся, не

зная, как реагировать. Наконец он невнятно сказал, что если г-н премьер предлагает, то у него нет возражений. Хрущев затем предложил сделать перерыв и поехать покататься на лодке.

Хаммершельд, видимо, думал, что речь идет о каком-то катере, и охотно согласился. Когда же подошли к пристани, то увидели небольшую четырехвесельную лодку. Пару весел Хрущев взял себе, а другую вручил Генеральному секретарю ООН, который, как вскоре выяснилось, не знал даже, как с ними толком обращаться. В результате Хрущев сам повез его на веслах довольно далеко прогуляться. Охране было сказано держаться вдалеке.

Через час лодка вернулась. Вылезая, Хрущев сказал: «Ух и здорово мы поговорили» (Хрущев совсем не знал английский, а Хаммершельд – русский; переводчика с ними не было, он был оставлен на берегу).

Хрущев, видимо, понял, что зашел слишком далеко. Тут же на берегу в павильоне был устроен хороший завтрак, в ходе которого по-деловому были обсуждены все конкретные вопросы, касавшиеся текущей деятельности ООН.

Но Хаммершельд уехал все же заметно ошеломленный всем этим «приключением». Таков был эксцентричный Хрущев, который, как известно, вскоре прославился своим поведением – во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чем шокировал не только весь мир, но и многих своих соплеменников.

Однако, разумеется, не этим эпизодом определялись отношения Хаммершельда и советского правительства. Дело в том, что позже Хаммершельд от своих умозаключений о необходимости поднятия собственной роли Генерального секретаря ООН стал постепенно переходить к попыткам осуществлять это на практике, в частности в сфере операций ООН по поддержанию мира. Он стал подчас действовать самостоятельно, не имея полномочий от Совета Безопасности на проведение тех или иных акций. Это стало вызывать протесты со стороны некоторых членов Совета, включая СССР. В особенности такая самостоятельность стала проявляться в действиях Хаммершельда вокруг событий в Конго. В конечном счете (уже после моего отъезда из ООН) все закончилось трагично: гибелью (в условиях плохой видимости) самолета, на котором летел Хаммершельд, в этом районе.

В целом я с удовлетворением вспоминаю свое пребывание в ООН, которое продолжалось два с половиной года. Во-первых, мне удалось досконально познакомиться с работой такой универсальной международной организации, каковой является ООН, значение которой росло с каждым годом. Во-вторых, работа в Секретариате заставила как следует овладеть не только разговорным английским языком, но и научила даже редактировать документы ООН на этом же языке. В-третьих, проживание в Нью-Йорке в отеле на р. Гудзон, вдали от основного советского персонала нашей миссии при ООН, позволило приобрести широкий круг друзей и знако-

мых из самых различных кругов Америки, что сильно помогло в дальнейшей работе, когда я стал послом СССР в США. До сих пор я с удовольствием встречаюсь со многими из них².

Было немало и забавных минут в ООН, когда имеешь дело с представителями стольких стран. Всего и не расскажешь. Приведу лишь один случай.

Шло заседание Совета ООН по опеке. Так получилось, что главными участниками одной из горячих дискуссий оказались представители Англии и Нигерии. Неожиданно чернокожий нигериец миролюбиво обратился к англичанину-лорду: «Сэр, зачем нам спорить, ведь мы почти кровные братья». Лорд опешил от такого «нахальства». «Вы мой кровный брат?» – переспросил он изумленно, роняя от неожиданности свой монокль. «Да», – вновь спокойно подтвердил нигериец. «Кто был Ваш дед?» – спросил он далее англичанина. «Мой дед был командующим экспедиционным корпусом, посланным королевой Викторией в Африку, где он и погиб, пропав без вести, но посмертно награжден высшим британским орденом», – гордо сказал англичанин. «А мой дед, – ответил нигериец, – был вождем племени, которое разбило войско Вашего деда. И так как в то время мы были не совсем цивилизованными, то мой дед скушал Вашего де-

² В октябре 1995 года мне довелось побывать на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи в связи с 50-летием ООН, на которой собралось более 150 глав стран и правительств. Я был приглашен в качестве «специального гостя» Генерального секретаря ООН.

да. Так что выходит, что мы с Вами кровные братья».

В Комитете по опеке поднялся смех. Растерявшийся лорд не знал, что и сказать, верить или не верить нигерийцу.

В марте 1960 года пришла телеграмма из Москвы: попроситесь с Хаммершельдом и возвращайтесь в МИД на должность члена коллегии и заведующего отделом стран Америки (США и латиноамериканских стран).

Поскольку Хаммершельд накануне этого отправился в большую поездку по ряду стран, в моем распоряжении до его возвращения оставалась еще пара недель. Посоветовавшись с женой, мы решили использовать это время (и оставшиеся деньги) на ознакомительную туристическую поездку в Калифорнию.

Мы долетели до Сан-Франциско, арендовали там автомашину и поехали по живописнейшей дороге № 1 вдоль Тихоокеанского побережья до Лос-Анджелеса и Сан-Диего, а оттуда до Феникса (штат Аризона), надеясь побывать в Гранд-Каньоне. Однако из-за неожиданного снегопада мы туда не попали. Поскольку с самолетами также возникли затруднения, то мы решили ехать на рейсовом автобусе от Феникса до Нью-Йорка. Так за три дня и три ночи мы по диагонали пересекли США. Остались незабываемые впечатления от географии и этнографии различных штатов этой удивительной страны.

Из других длительных автомобильных поездок по США в этот период запомнилась еще одна, когда мы вдвоем с женой

в рождественские каникулы в канун 1959 года отправились из Нью-Йорка во Флориду.

Помимо большого впечатления от знакомства с Атлантическим побережьем США, включая ряд городов, расположенных там, наш приезд в Майами совпал с вхождением победоносных отрядов Ф. Кастро в Гавану, всего в 90 милях от Флориды. Все эти кубинские торжества широко передавались по телевидению. Американцы в целом благосклонно встретили падение режима Батисты, хотя наплыв беженцев – его сторонников, злобно настроенных против Кастро, – создавал во Флориде довольно сложную и противоречивую эмоциональную обстановку вокруг победы кубинской революции.

В тот момент мне и в голову не приходило, что через три года, в 1962 году, я уже как посол окажусь в гуще острейших событий вокруг Кубы, а кубинский кризис поставит мир на грань ядерной катастрофы.

Встреча в Вене Хрущева и Кеннеди

В начале апреля 1960 года, когда я вновь приступил к работе в центральном аппарате МИД, в качестве заведующего отдела стран Америки, то попал в самый разгар подготовки в Москве к новому совещанию глав правительств четырех держав, которое было намечено провести в Париже 16 мая 1960 года.

На Парижском совещании предполагалось рассмотреть вопросы разоружения, прекращения испытаний ядерного оружия, заключения мирного договора с Германией, включая вопрос о Западном Берлине, вопросы отношений между Востоком и Западом.

Однако посылка американских разведывательных самолетов У-2 в воздушное пространство СССР 9 апреля и 1 мая 1960 года, а также публичное оправдание этих полетов президентом США Эйзенхауэром и госсекретарем Гертером после того, как американский самолет был сбит под Свердловском, привели к срыву Парижского совещания.

После срыва совещания в верхах в 1960 году советско-американские отношения резко ухудшились.

Поездка президента Эйзенхауэра в СССР, намеченная ранее, так и не состоялась. Охотничий домик, специально построенный для него в ожидании визита – на живописном берегу озера Байкал, – долгое время так и назывался «дом Эй-

зенхауэра».

В своих первых публичных выступлениях после победы на выборах 1960 года новый президент США Кеннеди заявлял о намерении своего правительства улучшить отношения с СССР и урегулировать международные проблемы путем переговоров.

В свою очередь, в приветственной телеграмме советского правительства президенту Кеннеди от 20 января выражалась надежда на достижение «коренного улучшения отношений» между двумя странами, а также на «оздоровление всей международной обстановки».

В ответном послании Кеннеди заявил, что он разделяет эту надежду. В ноте от 24 января правительство США подтвердило, что президент Кеннеди отдал распоряжение, запрещающее американским самолетам нарушать воздушное пространство Советского Союза.

Однако 1961 год, в течение которого я продолжал занимать должность заведующего отделом, оказался совсем не таким уж безоблачным, как это могло показаться вначале.

17 апреля 1961 года под прикрытием военных кораблей США в нескольких пунктах Кубы высадились десанты кубинских контрреволюционеров. Основные бои развернулись в районе Плайя-Хирон и привели к разгрому этих десантов.

СССР резко осудил действия США.

Кубинский вопрос, который стал постоянным раздражителем в советско-американских отношениях на длительный

период времени, перерос в настоящий кризис в 1962 году.

Еще в начале марта 1961 года американский посол Томпсон передал Хрущеву конфиденциальное послание президента Кеннеди с предложением организовать встречу на высшем уровне. В ходе дальнейшей переписки они договорились встретиться в Вене 3–4 июля 1961 года.

С советской стороны во встрече участвовали Хрущев, Громыко, посол Меншиков, Добрынин. С американской – Кеннеди, Раск, Колер, Болен и Томпсон.

Примерно дней за десять до встречи в Москве состоялось специальное заседание политбюро, посвященное подготовке позиции к встрече Хрущева и Кеннеди. Мне довелось присутствовать на этом заседании в качестве советника делегации.

На политбюро с изложением своей позиции на встрече с Кеннеди выступил Хрущев. Надо сказать, что с самого начала он исходил из ошибочной предпосылки, что молодого и малоопытного президента США можно, дескать, заставить уступить, в частности в берлинском вопросе, опираясь при этом на мощную группировку советских войск в Европе. Выступление Хрущева ясно свидетельствовало о его намерении оказать в Вене сильный нажим на президента Кеннеди по основным вопросам, особенно по германским делам. Советский премьер надеялся, что после недавней неудачи на Кубе Кеннеди может уступить его нажиму.

Большинство членов политбюро, не зная хорошо Кенне-

ди и международных дел, поддержало тактическую линию Хрущева. Лишь один Микоян высказал сомнения. По его мнению, приход к власти молодого президента надо было использовать не для наскоков и нажима, а для попытки завязать с ним разумный, конструктивный диалог в расчете на позитивное развитие советско-американских отношений. Нажим может оказаться контрпродуктивным, если президент окажется «с характером».

Хрущев разгорячился. Он утверждал, что создалась благоприятная ситуация, которую нельзя упускать. Микоян, увидев, что он явно в меньшинстве, не стал больше спорить, сказав, что он «лишь за осторожность». Громыко уклонился от участия в этом споре.

Итак, 3 июля 1961 года в Вене началась двухдневная встреча глав правительств СССР и США.

Переговоры шли без четко определенной повестки дня, хотя и было условлено, что состоится обмен мнениями о развитии отношений между США и СССР, а также по широкому кругу международных проблем.

Президент Кеннеди заявил, что его беспокоит тот факт, что СССР стремится ликвидировать капиталистическую систему в других странах и уничтожить американское влияние там, где оно традиционно проявлялось. Сказал далее, что в настоящее время советско-китайский блок, с одной стороны, и США с их западноевропейскими союзниками, с другой, находятся с точки зрения соотношения сил в состоянии равно-

весия. Поэтому, когда происходит резкое изменение равновесия, это становится «предметом озабоченности США».

Хрущев в ответ с горячностью говорил, что СССР не вмешивается в дела других стран, что он против экспорта революций, но одновременно выступает и против экспорта контрреволюции.

Центральным и наиболее напряженным на встрече стало обсуждение германского вопроса. Хрущев в свойственной ему наступательной манере изложил свои мысли по урегулированию этого вопроса. По существу, советский премьер поставил Кеннеди перед выбором: или совместно подписать соглашение, признающее существование двух Германий (ФРГ и ГДР), или он, Хрущев, должен будет подписать сепаратный договор с Восточной Германией не позже декабря, после чего оккупационные права западных держав в Берлине и свободный доступ к городу «перестанут существовать». Западный Берлин как самостоятельное образование может существовать как и раньше, но его коммуникации с внешним миром будут контролироваться восточными немцами. Никакие задержки в осуществлении этих мер не будут допускаться.

Любые попытки со стороны Запада вмешаться в их осуществление, с горячностью заявил он по ходу дискуссии, могут тогда привести даже к войне.

Как рассказывали впоследствии американские участники этой встречи, президента Кеннеди все это встревожило. У него сложилось мнение, что длительный кризис в отношении

ях с Хрущевым из-за германской проблемы неминуем.

Надо сказать, что упоминание Хрущевым о возможной войне ставило целью убедить Кеннеди в серьезности положения и необходимости решения проблемы на предлагаемых Хрущевым путях. В действительности же, когда все эти вопросы обсуждались на заседании политбюро (тогда оно называлось Президиумом) в преддверии венской встречи, никто и не помышлял о военной конфронтации с США. Это исключалось. Речь шла лишь об оказании нажима на Кеннеди. Хрущев тут явно блефовал (сознательно или эмоционально – трудно сказать). Но должен прямо сказать: Хрущев опасался войны и, разумеется, совсем не рассматривал такую альтернативу из-за германских дел.

Кеннеди признал, что положение в Западном Берлине и Германии в целом является ненормальным, однако, сказал он, время для предлагаемых изменений не наступило. Он призвал Хрущева «не нарушать нынешнее равновесие сил». Президент предлагал отложить рассмотрение германского вопроса. Хрущев же продолжал настаивать на своем, говоря, что решение СССР подписать не позже декабря мирный договор с ГДР с вытекающими из этого последствиями принято и никакие угрозы со стороны США его не остановят.

Короче, когда они разъехались, вопрос этот превратился в тлеющий бикфордов шнур. Кеннеди, уверенный в серьезности угроз Хрущева, стал готовиться к военным контрмерам. Хрущев же продолжал занимать достаточно жесткую пози-

цию, не переступая, впрочем, опасной черты. Переговоры по германскому вопросу и Западному Берлину велись напряженно, и напряженность вокруг этих вопросов сохранилась на долгие месяцы.

В ходе обмена мнениями в Вене обсуждался также вопрос о прекращении ядерных испытаний. Хрущев указал, что проведение трех инспекций ежегодно соответственно на территориях СССР, США и Англии вполне достаточно для проверки соблюдения соглашения о прекращении ядерных испытаний. (Хрущев вообще впервые соглашался на такие инспекции внутри СССР.) Кеннеди, в свою очередь, настаивал на более строгих мерах контроля, на увеличении числа ежегодных инспекций. Вопрос о контроле так и остался неразрешенной проблемой.

Короче, на встрече в Вене обеими сторонами были упущены определенные возможности поставить вопрос о прекращении ядерных испытаний на практические рельсы: важно отметить, что в этот момент и США, и СССР говорили о полном запрещении испытаний во всех сферах, включая и подземные. Как известно, последующие дискуссии привели позже к соглашению лишь по трем сферам.

Интересно отметить, что в ходе обсуждения кубинских дел президент США в личной беседе с Хрущевым признал, что кубинская операция была его ошибкой, совершенной в результате неверной информации, полученной им от Центрального разведывательного управления США.

В целом встреча в Вене между Хрущевым и Кеннеди (она оказалась единственной) была важной с точки зрения дальнейшего хода событий. Хрущев уехал с этой встречи, все еще недооценивая решимость Кеннеди защищать свои позиции. Кеннеди же, пожалуй, несколько переоценивал готовность Хрущева к решительным действиям вокруг Берлина, начав сам подготовку к возможной пробе сил. У меня же осталось впечатление от их встречи в Вене, что у Хрущева был неплохой шанс установить там более конструктивные личные отношения с новым президентом, но он упустил этот шанс и реальную возможность улучшения принципиального взаимопонимания с Кеннеди.

Меня назначают послом в США

В конце 50-х годов Хрущев ввел одно новшество при рассмотрении внешнеполитических вопросов на заседаниях политбюро. Прежде на таких заседаниях от МИД присутствовал лишь один министр. Хрущев стал вызывать на обсуждение соответствующих пунктов повестки дня заседаний политбюро и заведующих наиболее важных отделов министерства.

Хрущев часто спрашивал их мнение по разным аспектам обсуждаемого вопроса, причем делал это до того, как выскажет свое мнение министр. Расчет был прост: если сперва выступит министр, то заведующий отделом вряд ли посмеет ему противоречить, но когда его спрашивали первым, то тут, как говорится, он должен был «думать сам», полагаясь лишь на свое знание предмета, и высказывать свои, порой не совсем ординарные или стандартные, мысли, чего, собственно, и добивался Хрущев.

Такому «допросу» по американским делам порой подвергался и я. При этом обычно у Хрущева – особенно после выходного дня, когда, по его выражению, он «гулял и думал», – рождалось немало самых разнообразных идей: от действительно интересных до практически нереальных, хотя и бросающихся с первого взгляда.

В последнем случае непросто было высказывать ему кри-

тическое мнение, особенно в присутствии других членов политбюро. Однако вопросы подчас были слишком важными, чтобы «лукавить», и приходилось, хоть и дипломатично, говорить то, что думаешь («Ваше предложение интересно, но американцы не оценят и не примут его»).

Такие ответы вызывали подчас недовольство Хрущева. Но последующая реакция из Вашингтона часто оказывалась близка к высказанному мною мнению.

4 января 1962 года состоялось очередное заседание политбюро. На нем рассматривался ряд вопросов, касающихся отношений с США, поэтому был приглашен и я. В конце обсуждения Хрущев сказал, что у него остался еще один вопрос «вне повестки дня» — о назначении нового посла в США в связи с уходом Меншикова на пенсию.

Ожидая, что Хрущев может спросить мое мнение на этот счет, я стал лихорадочно перебирать в уме возможные кандидатуры.

Однако он не стал ничего спрашивать (как после выяснилось, члены политбюро обсуждали уже этот вопрос в узком кругу еще до начала заседания, но я не знал этого). Хрущев сказал, что у него есть одна кандидатура. В полушутливой форме он добавил, что лучше всего, видимо, назначить на этот пост человека, который часто умеет отгадывать реакцию американцев на то или иное его предложение. «Ему и карты в руки». И тут он назвал мою фамилию, спросив, какое будет мнение на этот счет.

Члены политбюро заулыбались. «Поддерживаем, поддерживаем», – сказали они. Хрущев подытожил: «На этом решим», – после чего поздравил меня с назначением.

Для меня действительно все это было полной неожиданностью. Я и не думал об этом. Мне исполнилось всего 42 года, и я еще ни разу не был послом ни в какой стране. А тут назначение на пост № 1 в советском дипломатическом корпусе.

Когда я пришел домой и сообщил жене, она сперва тоже не поверила. «Вечно ты шутишь». Да я и сам как-то еще не освоился с этой мыслью. Лишь когда нам домой позвонил Громыко и поздравил с назначением, только тогда до нас обоих стала доходить ожидавшая нас крутая перемена и в жизни, и в работе.

Так я стал девятым по счету советским послом в Америке (после Трояновского, Уманского, Литвинова, Громыко, Новикова, Панюшкина, Зарубина и Меньшикова). Но я, разумеется, не знал и не мог даже предполагать, что пробуду на этом посту почти четверть века (1962–1986). Много прожито. Много пережито.

Начался совершенно новый этап в моей жизни.

Часть вторая. Президентство Джона Кеннеди, 1961–1963 гг.

Первые встречи в Вашингтоне

Инструкции Москвы

Итак, 15 марта 1962 года я прибыл в Вашингтон в качестве советского посла. Накануне отъезда я зашел к Громыко для получения инструкций. Он тепло попрощался и сказал, что никаких особых наказов не собирается мне давать: «Мы с Вами в течение последних двух лет встречались чуть ли не каждый день по американским делам, – сказал он. – Единственный личный совет, который я хотел бы высказать, заключается в том, чтобы Вы не торопились давать каких-либо скороспелых оценок по тем или иным действиям американской администрации, даже если внешне они и могли носить какой-то сенсационный характер».

Поясняя свою мысль, он заметил, что мне, конечно, известно, что порой разные члены политбюро по-разному оценивают события в советско-американских отношениях и подчас довольно эмоционально воспринимают их (намек на

Хрущева). Поэтому моя задача – давать в Москву серьезную, солидную, аргументированную информацию, не сбиваясь «на мелочи».

Вообще должен сказать, что, хотя Громыко был известен как «железный министр», который всегда целиком и полностью выполнял решения политбюро ЦК, не отступая от них ни на шаг в любых переговорах с Вашингтоном, в целом же он не был убежденным сторонником конфронтации с США и старался по возможности избегать их. Он ценил элементы стабильности в этих отношениях, хотя и не настаивал должным образом на своем мнении, если это расходилось с мнением напористого Хрущева. (Надо отдать должное Громыко: в частном разговоре с ним он обычно высказывал откровенно свою точку зрения, но не доводил дело до серьезного спора, тем более в присутствии других членов советского руководства.)

Побывал я перед отъездом, конечно, и у Хрущева. Его наказ был энергичен: твердо защищать и продвигать интересы Советского Союза и «не поддаваться на провокации». Вместе с тем я услышал из его уст и немножко необычный для него совет: «Не задиаться без нужды». Он прямо сказал, что война с США недопустима и что я всегда должен исходить из этого. Это – главное.

Затем он дал оценку нашим отношениям с США. Говорил он, как всегда, эмоционально. Из сказанного им было видно, что основной задачей на тот момент в советско-амери-

канских отношениях он ставил решение германского вопроса и проблемы Западного Берлина (в духе того, что он говорил Кеннеди в Вене: заключение мирного договора с двумя германскими государствами, ФРГ и ГДР, при этом Западный Берлин будет наделен статусом «вольного города»). Такое решение должно было, по его мнению, внести стабильность в положение послевоенной Европы и несколько ограничить влияние США в возрождавшейся Германии. Последняя же по-прежнему оставалась предметом озабоченности советского руководства, особенно с точки зрения возможности получения западными немцами ядерного оружия в свои руки.

Резко критиковал он и стремление американцев развивать свое стратегическое ядерное превосходство, что делало их, по его словам, «особенно нахальными». В качестве примера он сослался на размещение американских ядерных ракет в Турции, «под самым носом у Советского Союза». «Надо постепенно укорачивать им руки», – заявил он. Однако эту свою мысль он не развивал. Возможно, у него уже были планы размещения советских ракет на Кубе. Но он ни словом не обмолвился об этом в беседе со мной.

О президенте Кеннеди говорил уже более уважительно, чем, скажем, год назад. Теперь Хрущев считал, что хотя президент и молодой, но «человек с характером». И все же у него проскальзывали нотки, что надо продолжать оказывать нажим на Кеннеди в расчете на успех. Он считал, что вторая

встреча с ним могла бы быть полезной.

После беседы с Хрущевым у меня не сложилось впечатление, что он исходил из возможности крупного конфликта с США в обозримом будущем, хотя напряженность в отношениях (главным образом из-за германских дел) будет, по его оценкам, время от времени сказываться. В общем, особой тревоги у Хрущева не было, когда он «благословил» меня на этот пост.

Конфиденциальный канал

Следует сказать, что в период после отъезда посла Меншикова домой 4 января и до моего приезда в Вашингтон в марте между Хрущевым и Кеннеди продолжался негласный обмен мнениями.

В течение нескольких месяцев между ними действовал конфиденциальный канал связи через корреспондента ТАСС в Вашингтоне Георгия Большакова и брата президента Роберта Кеннеди, а также пресс-секретаря президента Пьера Сэлинджера. Большаков, работавший под «крышей» ТАСС, был сотрудником нашей военной разведки в чине полковника, но ему категорически запрещалось заниматься какими-либо другими делами, помимо этой связи. У него установились хорошие личные отношения с сподвижниками президента – он бывал у них дома, играл в теннис и т. п.

Большаков был исполнительным офицером, умевшим

хранить в тайне свою связь (даже посол Меншиков не знал о ней). Однако его серьезным недостатком было то, что он плохо знал дипломатическую сторону наших отношений с администрацией Кеннеди, не был в курсе деталей некоторых переговоров или позиций обеих сторон. Он, по существу, был хорошим «почтовым ящиком», но не более, поскольку давал мало дополнительной информации в силу того, что не мог достаточно квалифицированно вести беседы с Р. Кеннеди и Сэлинджером по широкому кругу вопросов. Более того, он порой неправильно интерпретировал их высказывания. Учитывая все это, Громыко, с одобрения Хрущева, поручил мне постепенно взять связи Большакова на себя, хотя и продолжать его использовать в отдельных случаях.

В первые месяцы моего пребывания в Вашингтоне действовали как бы два конфиденциальных канала: один старый – через Большакова, второй постепенно завязывавшийся – через меня. Я замыкался прямо на Громыко и Хрущева и вел – с их ведома и по их поручениям – официальный, хотя и негласный доверительный диалог.

Канал Большакова носил менее систематизированный характер, и по нему шел «более свободный» разговор с Р. Кеннеди. Соответственно и с нашей стороны он был с самого начала организован по-другому.

Шифрованные донесения Большакова (по военной линии посольства) попадали, минуя Громыко, только начальнику Главного разведывательного управления Генерального шта-

ба Советской армии, который их докладывал непосредственно министру обороны. Последний (поскольку оба министерства всегда соперничали) обычно докладывал депеши Большакова прямо Хрущеву, далеко не всегда информируя о них Громыко, либо кратко излагал ему их суть. В результате Хрущев давал указания, как реагировать на эти депеши непосредственно министру обороны, который и посылал инструкции Большакову. При этом Хрущев не всегда консультировался с Громыко.

Кроме того, когда Большаков приезжал в отпуск или в командировку, то встречался с хорошо знакомыми ему людьми из ближайшего окружения Хрущева – Микояном и Аджубеем. Им он рассказывал в доверительном плане о своих встречах в Вашингтоне. Они, в свою очередь, охотно давали ему советы, как надо вести себя с Робертом Кеннеди и с окружением президента. Микоян порой согласовывал свои советы с Хрущевым и даже иногда от его имени поручал Большакову сказать что-то сподвижникам президента США, в первую очередь Р. Кеннеди или Сэлинджеру.

Как правило, наше Министерство иностранных дел, включая министра, мало знало обо всем этом. Правда, Большаков по своей инициативе информировал меня (насколько точно – трудно сказать) о своих беседах с Р. Кеннеди, спрашивал меня, как лучше вести себя при разговорах по конкретным политическим вопросам, которые он не знал глубоко и порой не очень удачно импровизировал в беседах с братом прези-

дента. В результате в Белом доме получали по двум нашим каналам сообщения, которые подчас отличались в нюансах.

Подозреваю, что канал Большакова накануне кубинского кризиса все больше использовался нашей разведкой (надо полагать, с благословения самого Хрущева) для дезинформации администрации Кеннеди насчет наших военных планов на Кубе. Фактически советское руководство использовало для этих целей и официальные дипломатические каналы, но делалось это не так уж прямолинейно. Понадобилось немало усилий, чтобы после кубинского кризиса постепенно восстановить отношения доверительности между Кремлем и Белым домом по конфиденциальному каналу, который после отъезда Большакова домой целиком замкнулся на меня.

17 января 1962 года Роберт Кеннеди в беседе с Большаковым остановился на вопросе о Западном Берлине, который продолжал оставаться наибольшим раздражителем в советско-американских отношениях.

«У брата и у меня, – сказал Р. Кеннеди, – складывается впечатление, что в Москве еще не совсем понимают стремление президента достичь соглашения. Президент хочет соглашение с СССР по Западному Берлину. Война из-за Западного Берлина бессмысленна, но США, как и СССР, готовы к ней. Но неужели нам нужно воевать из-за этого немецкого города? Мы уважаем Советский Союз, понимаем его интересы. Поймите же и вы наше положение, наши интересы. В настоящее время США просто не могут покинуть Западный

Берлин, однако мы готовы дать Советскому Союзу любые гарантии, что не передадим западным немцам ядерного оружия, не допустим, чтобы они производили его. Мы можем, наконец, договориться о постепенном отводе в будущем американских войск из Западной Европы, а советских войск – из Восточной Европы».

Большаков доложил об этом разговоре в Москву. Надо сказать, что, хотя вопрос о выводе американских войск из Европы всегда был одним из приоритетных направлений советской внешней политики, вопрос об одновременном выводе и советских войск обычно вызывал неодобрение в политбюро из-за опасений, что это скажется на стабильности режимов в странах Восточной Европы. Вот почему на высказывание Р. Кеннеди о возможном взаимном выводе войск из Европы Москва никак не среагировала.

В конце января в Вашингтон прибыл Аджубей, зять Хрущева, главный редактор газеты «Известия». Громыко не любил острого на язык Аджубея, который открыто подсмеивался над сухостью и предсказуемостью советского министра. Последний же всегда опасался, что увлекающийся Аджубей (особенно когда он был навеселе) мог от себя наговорить или нафантазировать вещи, которые не являлись советской официальной позицией, но воспринимались иностранными собеседниками со всем вниманием, учитывая его близость к Хрущеву.

Аджубей, который дважды во время этой поездки встре-

чался с президентом Кеннеди в Белом доме, привез устное послание от Хрущева. Текста или подробного изложения послания нет в архивах. По словам самого Аджубея, в послании развивались мысли Хрущева, высказанные президенту при их встрече в Вене. Вместе с тем Аджубей сделал короткую запись высказываний президента по конкретным вопросам. Вот что сказал Кеннеди:

О Кубе. Если я выставлю свою кандидатуру на следующих выборах, а кубинский вопрос останется в том же положении, как сейчас, то Куба явится основной проблемой предвыборной кампании. Мы должны что-то предпринять.

На реплику Аджубея, что это – тревожное заявление, президент ответил: «Хочу еще раз заявить, что США не нападут на Кубу и не имеют планов вторжения».

О Европе. Германский вопрос жизненно важен для нас и для вас. Давайте искать сближения точек зрения. Нам трудно по ряду причин признать ГДР, но за три – пять лет положение стабилизируется, прояснится. Повысится престиж ГДР. Трудно предвидеть, что произойдет в ближайшие годы. Не лучше ли условиться о временной договоренности на срок, положим, в три – пять лет. Мы готовы на переговоры. Однако пусть премьер Хрущев и другие ваши руководители поймут меня правильно и, если хотите, войдут в мое положение – по некоторым вопросам я просто не в состоянии что-либо сказать. Например, вопрос о пребывании войск США, Англии и Франции в Западном Берлине. Я согласен, что термин

«открытый режим» не подходит. Но поймите, что мы не можем ни уйти из Западного Берлина, ни согласиться с нахождением в нем советских войск. Это было бы нашим поражением, которое было бы истолковано Западной Германией да и Францией как предательство их интересов. Поэтому мы на это пойти сейчас не можем.

Теперь о границах. Если речь идет о тех границах, которые сложились после войны у всей Германии, мы готовы признать их. Границы же по Эльбе между ФРГ и ГДР мы признать сейчас не согласимся, так как США будут вынуждены вступить в контакты лично с Ульбрихтом, это нас очень пугает. С ним трудно разговаривать. Я боюсь, что тупик в переговорах по Западному Берлину и по более широкому кругу вопросов подтолкнет определенные круги в ФРГ и во Франции к опасным шагам. С этим будет трудно бороться. Западная Германия скоро может иметь свое ядерное оружие, и тогда угроза миру станет еще большей.

В заключение Кеннеди резюмировал: достижение взаимопонимания между США и СССР создаст более миролюбивые настроения во всем мире. Я хотел бы, чтобы в Москве с пониманием отнеслись к идее временной договоренности, согласившись решить сейчас некоторые спорные вопросы, которые не задевают остро престиж СССР и США. Улучшение атмосферы быстрее двинет нас вперед. Людям западного мира нужно некоторое время для психологического осмысления событий в ГДР, на Кубе, в КНР и т. д. Время поможет

делу улучшения отношений. Мы за сокращение войск США и СССР в Европе. Если будет решена берлинская проблема – а я согласен с вашим премьером, что это заноза в теле Европы, – то можно будет говорить о сокращении войск в Европе, об их разъединении.

Вторая беседа президента с Аджубеем касалась только германских дел. Вопрос состоит в том, сказал президент, намерен ли СССР подписать широкий договор и тогда проверить, что произойдет, или он готов искать договоренность по тем вопросам, по которым согласие может быть достигнуто. Каждая сторона знает, что неприемлемо для другой.

Президент подчеркнул, что берлинская ситуация опасна для обеих сторон, хотя Хрущев, возможно, считает, что он находится в выгодном положении с точки зрения географии. Кеннеди предложил, чтобы посол США в СССР Томпсон и Громыко говорили о конкретных проблемах, а не просто повторяли хорошо известные позиции обеих сторон.

15 февраля Сэлинджер передал через Большакова доверительное послание Кеннеди Хрущеву. Президент предлагал не угрожать друг другу, не обострять ситуацию, а признать общую ответственность за терпеливое продолжение поисков совместного решения вместо того, чтобы предпринять какие-либо опрометчивые односторонние действия, которые могли бы создать опасность миру, существующему ныне в Германии (в частности, речь шла о берлинских воздушных коридорах).

Тем временем жизнь шла своим чередом, порождая порою курьезы. В середине марта Р. Кеннеди обратился к Большакову с необычной просьбой: будучи в тюрьме в г. Атланте, Абель (советский разведчик, осужденный по обвинению в шпионаже) нарисовал очень хороший портрет его брата, президента Кеннеди. И им хотелось бы знать, не будет ли Абель возражать, если портрет передадут в Белый дом. Он вообще очень хороший художник и оставил в Атланте много хороших картин, сказал Р. Кеннеди. Судьба этих картин осталась неизвестной.

Все это происходило до моего приезда в Вашингтон 15 марта уже в качестве советского посла. Так получилось, что из Нью-Йорка в американскую столицу я ехал в одном вагоне с заместителем директора ЦРУ Алленом Даллесом. Когда мы выходили из вагона в Вашингтоне, нас встречала большая группа корреспондентов. Откровенно говоря, я думал, что это встречают Даллеса. Да, судя по всему, так думал и сам Даллес. Оказалось, однако, что встречали они не его, а нового посла СССР в США. Даллес был заметно разочарован. Для меня же это было первое испытание «на прессу». Все обошлось благополучно: характер вопросов был благожелательный. К тому же я был хорошо знаком с рядом корреспондентов по своей предыдущей работе в Вашингтоне.

Посольство, в котором мне предстояло жить и работать, находилось в старинном четырехэтажном особняке на 16-й улице на расстоянии всего трех кварталов от Белого до-

ма. Так получилось, что наше здание «географически» было ближе всех других посольств к резиденции президента США, хотя политически, к сожалению, в те годы находились они на разных полюсах.

Здание посольства было куплено царским правительством у семьи известного американского промышленника Пульмана еще в 1913 году. По тем временам оно по размерам было довольно просторным. В штате посольства, помимо посла (он был в ранге посланника), были лишь еще один советник и два секретаря, а также кучер и личная прислуга.

Когда же я приехал, то в посольстве размещались уже около ста дипломатических и технических сотрудников. Теснота была страшная. Помимо посла, только советник-посланник имел отдельный кабинет. В остальных комнатах работало по 5–7 человек. Так продолжалось много лет.

Два слова о моем рабочем кабинете в посольстве. Я прибыл в Вашингтон в период, когда в полном разгаре была «война разведок» и кампания шпиономании. В период президентства Ф. Рузвельта этот кабинет имел два хороших больших окна, выходивших на небольшую лужайку и главную улицу. Однако затем оба окна изнутри были плотно замурованы кирпичами (хотя внешне окна со стеклами остались, но они, конечно, не открывались). Образовалась каменная коробка, внутри которой построили комнату. Между стенами циркулировало магнитное поле – защита против подслушивания извне. Так был создан, как утверждалось,

«защищенный кабинет».

Не знаю, насколько все это было эффективно, но почти четверть века я проработал в этой беззаконной «камере» с постоянным электромагнитным облучением, опоясывавшим весь мой кабинет. Не говоря уже о психологическом эффекте постоянного глухого заточения (как говорится, без света божьего), работа в таком кабинете, несомненно, оказывала какое-то физиологическое воздействие на организм, но наука тогда не видела в этом большого вреда.

Служебный кабинет находился на втором этаже. На третьем этаже была небольшая посольская квартира из трех комнат с кухней. Этот этаж почти соседствовал с крышей другого (не нашего) здания, откуда, вообще говоря, можно было забраться в нашу квартиру.

Так, собственно, и случилось за полгода до моего приезда в Вашингтон, когда мой предшественник находился в отъезде в Нью-Йорке. Злоумышленник по крыше соседнего дома пробрался в квартиру посла, взял несколько вещей, а уходя, поджег спальню. К счастью, дежурный комендант вовремя заметил огонь, который и был потушен сотрудниками посольства.

После этого вокруг посольства были установлены телевизионные камеры, а также усилена наружная охрана. До этого случая министерство экономило валютные расходы и не давало достаточно денег для установки специальной системы охраны; попытка поджога ускорила решение этого вопроса,

и больше таких случаев не повторялось. Как говорит русская пословица: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Надо сказать, что в первые десять с лишним лет работы в Вашингтоне послом у меня не было личной охраны. В обычные дни я ездил по служебным делам вместе с шофером. По субботам и воскресеньям я отпускал шофера и сам водил автомашину. С женой, а затем и с внучкой мы выезжали за город на отдых или за покупками. Однако когда антисоветская кампания в США и террористические акты против советских учреждений в США (особо бесчинствовала группа Кахана) серьезно осложнили обстановку, Правительство СССР решило выделить мне одного охранника. Он должен был сопровождать меня во всех поездках вне посольства.

Но я продолжал ездить с шофером, считая, что один охранник все равно не поможет, а постоянное присутствие сопровождающего меня как-то стесняло и подсознательно поддерживало состояние какой-то тревоги и озабоченности. Узнав, что я по-прежнему не пользуюсь услугами охранника, политбюро прислало мне необычную телеграмму: «Вы принадлежите не самому себе, а государству и представляете, как посол, ценность для страны. Извольте выполнять постановление правительства». Пришлось подчиниться.

Болезненной проблемой для всех советских посольств за границей была довольно низкая зарплата. Жесткая экономия валюты сказывалась на жалованье сотрудников и нашего посольства. Наша зарплата была значительно ниже американ-

ских стандартов или окладов сотрудников посольств других стран.

Большинство послов в Вашингтоне получало в 2–3 раза больше, чем я (кстати, американский посол в Москве имел зарплату в 4–5 раз выше моей). Среди посольств стран Восточной Европы мы и Болгария были на последнем месте. При этом никакой индексации жалования не было.

За 20 лет моего пребывания в посольстве заработную плату нам повысили всего один раз. Да и это повышение произошло довольно странным образом. На одном из заседаний политбюро в конце 70-х годов после моего очередного сообщения о работе посольства Брежнев, одобрив нашу работу, спросил, не нужна ли какая-либо помощь посольству.

Я сказал, что у нас лишь одна просьба: несколько повысить зарплату. Обращения посольства в МИД и Министерство финансов все время отклоняются, мы получаем стандартный ответ: «Нет валюты», – хотя наше посольство находится в числе низкооплачиваемых. Привел и такой пример: после очередного повышения зарплаты в посольстве Румынии шофер посла стал получать столько же, сколько советник нашего посольства.

Это сравнение с румынами произвело впечатление на членов политбюро. Нам повысили зарплату на 17 процентов. В следующий раз зарплату сотрудникам посольства повысили лишь в 1993 году.

Первые встречи с госсекретарем и президентом

Сразу после приезда я включился в работу посольства, знакомился с сотрудниками, проводил совещания, начал готовить информацию в Москву о своих первых впечатлениях и наблюдениях.

Начало моей службы облегчалось тем, что я уже неплохо знал страну, ее основные официальные институты, обычаи, а также имел немало знакомых и друзей среди американцев. Моей ближайшей задачей было установление возможно большего числа контактов с новой для меня администрацией Кеннеди и с вашингтонским истеблишментом, среди дипкорпуса, прессы, деловых кругов и т. п.

Однако официально я не мог считаться еще послом, пока не вручил верительных грамот президенту Кеннеди, а до этого я должен был встретиться с госсекретарем Дином Раском.

Перед вручением верительных грамот президенту Кеннеди меня принял госсекретарь Раск. Встреча носила неформальный характер. Он сказал, что рад возобновить знакомство со мной (мы с ним встречались ранее в Нью-Йорке, когда я работал заместителем Ген-секретаря ООН, а он был директором Фонда Рокфеллера).

«К сожалению, – сказал Раск, – так получилось, что у меня не установились личные контакты с вашим предшественни-

ком, послом Меньшиковым, которые позволили бы в неофициальном порядке время от времени обмениваться соображениями по различным вопросам. Однако я надеюсь на установление такой практики с Вами. Эти встречи можно будет провести и вне Госдепартамента – вечером у меня дома или в выходной день на яхте. Это было бы полезным дополнением к официальным беседам».

Я выразил, разумеется, согласие с такими его соображениями.

Каких-либо политических вопросов мы с ним не обсуждали.

Так началось наше активное и тесное взаимодействие с Раском, как официальное, так и неофициальное, которое продолжалось около семи лет. Всякое случалось в мире за это время, но между нами всегда сохранялись постоянные уважительные отношения, позволявшие вести, в случае необходимости, откровенный разговор.

Раск придерживался консервативных взглядов и упорно их отстаивал (не менее упорно, чем Громыко). Но он никогда не стремился к дешевым пропагандистским трюкам или обманным маневрам. Данному им слову можно было верить. Раск не был генератором новых идей, оставляя это за президентом. Он вообще не спешил менять свои взгляды во внешней политике. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но ясность в его позиции всегда была. Он отличался также осторожностью, стремлением избегать ненужной кон-

фликтности, но не аргументированной полемики. Вообще — это был «джентльмен из южного штата Джорджия».

Свои верительные грамоты я вручил президенту Кеннеди 31 марта. Признаюсь, я несколько волновался перед этой церемонией, первой в моей дипломатической жизни. Я знал, что в Москве она проходила торжественно. Наш глава государства (или его заместитель) принимал нового иностранного посла в одном из наиболее красивых залов Кремля. Сотрудники МИД, присутствовавшие на церемонии, надевали в этих случаях официальную форму (черное с золотом), которую ввел еще Сталин. После вручения грамот полагалась беседа главы государства с послом, в основном протокольного порядка, хотя случались и серьезные деловые беседы в зависимости от обстоятельств.

В Госдепартаменте меня предупредили, что у них все это проходит гораздо проще. У американских дипломатов, например, вообще нет никакой специальной формы одежды. Нет и никакого отдельного помещения для вручения грамот. Все происходит в рабочем кабинете президента в Белом доме. Я решил поэтому также не надевать свою парадную форму, а быть в обычном костюме, чтобы показать свою готовность с самого начала вести деловой разговор.

Когда я приехал к Белому дому, меня встретил заведующий протокольным отделом и прямо провел мимо стоявших у входа двух морских пехотинцев в кабинет президента.

Президент уже был там. Держался он просто, дружественно.

но. Никаких официальных церемоний вручения верительных грамот. Было все обыденно: он взял у меня грамоты, сказал, что уже читал их (копии грамот были, как принято, заранее переданы в Госдепартамент), и сразу перешел к разговору. Из-за болезни спины он сидел в кресле-качалке рядом с диваном, на который меня пригласил сесть.

Затем за чашкой кофе начался разговор один на один. Должен сказать, что я нарушил давнюю традицию советских послов в Вашингтоне, придя на беседу без переводчиков и без советников. Эта традиция объяснялась двумя причинами: во-первых, большинство наших послов в тот период не умело свободно говорить по-английски. Во-вторых, во времена Сталина считалось, что с иностранцами лучше говорить «при свидетелях». Я не был связан этими обстоятельствами. Главное же, беседа без «записывающего» сотрудника всегда носит более неофициальный, свободный характер. Именно такая практика бесед у меня установилась с большинством высших официальных лиц администрации США. Конечно, меня выручала хорошая память, позволявшая почти стенографически записывать позже, уже в посольстве, содержание бесед. Не было ни одного случая в моей длительной практике, когда бы оспаривалась впоследствии точность изложения мною позиций американской стороны.

В начале разговора я передал президенту привет и добрые пожелания от Хрущева. Он ответил тем же.

Затем он стал живо вспоминать «об интересной встрече»,

которую имел с советским премьером год назад в Вене, где я тоже присутствовал. Президент сказал, что надеется в будущем на новую встречу с ним. Сейчас трудно предсказывать возможный срок такой встречи, добавил он, поскольку хотелось бы, чтобы до нее было хоть что-то согласовано заранее или подготовлено к согласованию на уровне глав государств.

На вопрос, что именно, по его мнению, можно было бы подготовить к такой встрече, Кеннеди ответил, что над этим надо еще подумать, но, видимо, речь в любом случае пойдет о германских делах и Западном Берлине. Он выразил надежду на такую встречу в течение еще 1962 года. Нужда в этом, судя по всему, есть, заметил он. Я поддержал идею о встрече.

Конкретных вопросов президент подробно не обсуждал, сказав, что для этого будет еще время и что я могу рассчитывать на его содействие в своей работе как посол.

Кеннеди просил передать в Москву его благодарность за заботу о его больном отце (ему были присланы заключение и подробные рекомендации наших ведущих врачей).

В конце встречи президент провел меня по кабинетам своих основных помощников (Банди, Соренсена, Сэлинджера) и познакомил с ними, давая им краткие шутливые характеристики. Он показал также некоторые экспонаты, которые были подарены ему в разное время, особо обратив внимание на модель корабля из моржовой кости, полученную им в подарок от Хрущева. Среди картин в Белом доме неожиданно встретились два небольших полотна известного русского

мариниста Айвазовского с весьма редкой для него «земной тематикой»: «Зима в Санкт-Петербурге». Обе картины были отданы в Белый дом на некоторое время из частной коллекции.

Президент, если сравнивать его с прежним Кеннеди (на встрече в Вене), смотрелся уже как человек, уверенно держащий в руках бразды правления. Судя по отдельным его высказываниям и обмену репликами с ним по различным вопросам, я чувствовал, что он неплохо владеет материалом, касающимся советско-американских отношений.

Забегая вперед, скажу, что чем чаще я встречался с президентом, тем больше убеждался в том, что это был человек сильного, независимого характера. Внешне он всегда был выдержанным и любезным, сохранял полное спокойствие. Наши беседы касались самых острых вопросов международного положения и советско-американских отношений. Он не уклонялся от разговора по существу. Но, стараясь показать, что готов искать пути к конструктивному и взаимоприемлемому решению проблем, президент в большинстве случаев проявлял упорство в отстаивании и аргументации официальной позиции. К этим острым темам мы возвращались неоднократно, но, как правило, каждая сторона оставалась при своем мнении. Исключение, пожалуй, составлял один вопрос о прекращении испытаний ядерного оружия в трех сферах, в котором президент проявил готовность к сдвигам.

Важной особенностью президента Кеннеди было и то, что

он все время как бы оставлял открытыми каналы для диалога между двумя правительствами, даже в периоды резко-го ухудшения наших отношений. Это сыграло впоследствии большую роль при урегулировании кубинского кризиса и установлении прямой «горячей связи» между высшим руководством обеих стран.

В то же время за приятными манерами президента и его готовностью к спокойному диалогу скрывалось стремление максимально активизировать внешнюю политику и военную стратегию США. Появилась новая стратегия «гибкого реагирования», которая предполагала готовность США к военным действиям при любых ситуациях. Усилилась при Кеннеди и гонка ядерных вооружений.

Возвращаясь к своей первой беседе с президентом Кеннеди, скажу, что я суммировал свои впечатления о нем в своем докладе в Москву следующим образом: «Мы имеем сейчас дело с достойным оппонентом с американской стороны».

Несколько слов о моих сообщениях в Москву. Сразу после бесед с президентом, госсекретарем или другими видными официальными представителями я обычно посылал информационные шифротелеграммы об этих встречах. Я не диктовал эти телеграммы стенографистке или кому-либо из дипломатов, а писал всегда сам от руки. Такова была много-летняя привычка, да к тому же это позволяло соблюдать мак-симальную конфиденциальность переписки с Москвой. В курсе этой переписки был лишь советник-посланник, кото-

рый оставался временным поверенным в делах в мое отсутствие (Георгий Корниенко, Юлий Воронцов, Александр Бесмертных, Владиллен Васев, Олег Соколов, Виктор Исаков, ставшие затем известными дипломатами). Бывали, правда, отдельные так называемые «особые» телеграммы личного порядка, которые предназначались только для посла.

После вручения верительных грамот началась моя полнокровная деятельность в качестве посла. Встретился с ведущими официальными представителями администрации Кеннеди. В ходе этих встреч завязывались и беседы по существу. Общее первое впечатление от этих бесед: в советско-американских отношениях, несмотря на наличие ряда проблем, которые мы обсуждали, не было серьезного продвижения вперед, равно как и ближайших перспектив на такой сдвиг.

Показательным в этом смысле был – с точки зрения оценки ситуации самой администрацией – и закрытый брифинг для небольшой группы ведущих обозревателей, который провел Раск 10 апреля. Он, в частности, сказал, что правительство США не видит большого практического значения в советском предложении о заключении пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора. Такой пакт имел бы смысл лишь в том случае, если бы сперва с Советским Союзом была достигнута какая-то договоренность об общем статус-кво, которая включала бы и соглашение по Западному Берлину, а перспектив такого соглашения пока не

видно.

Надо сказать, что в тот период правительство США было готово пойти на договоренность об общем статус-кво в Европе, однако советское руководство во главе с Хрущевым считало, что у него есть шансы изменить статус-кво в свою пользу в отдельных областях, в частности в берлинском вопросе, оказывая соответствующий нажим на администрацию Кеннеди. Расчет оказался неверным, он лишь способствовал сохранению напряженности и гонки вооружений. Короче, Хрущев упустил реальную возможность улучшить отношения с Вашингтоном при президенте Кеннеди. Последний, судя по всему, был склонен к этому.

На этом же брифинге, как бы подводя итог отношениям с СССР, Раск заявил, что в целом США, видимо, будут вынуждены вложить дополнительно большие средства в наращивание вооружений в надежде, что это вынудит обе стороны добиться конкретного решения спорных вопросов, ибо бремя таких гигантских расходов нельзя нести неопределенно долгое время.

Тем временем президент Кеннеди предпринял еще одну попытку добиться заключения с Хрущевым соглашения хотя бы по частичному запрещению ядерных испытаний. Р. Кеннеди через Большакова передал 25 апреля доверительное сообщение президента Хрущеву: США начинают ядерные испытания в атмосфере. Мы знаем, что и СССР проводит серию испытаний. В этой связи президент информирует пре-

мьера Хрущева, что после того, как США и СССР закончат ядерные испытания в атмосфере, США будут готовы подписать с СССР договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере без каких-либо инспекций; контроль будет осуществляться лишь национальными средствами обнаружения. Союзники США – Англия и Франция – об этом предложении пока еще не осведомлены.

Настойчивость президента Кеннеди в этом вопросе, помимо прочего, объяснялась его желанием через такое запрещение добиться также осуществления одной из главных целей своей внешней политики: скорейшего заключения многостороннего договора о нераспространении ядерного оружия. Если будут запрещены ядерные испытания в атмосфере, считал он, то другим странам будет трудно создавать свое ядерное оружие, так как подземные испытания слишком дорого стоят и требуют больших инженерных работ.

В Москве в целом положительно отнеслись к этим усилиям Кеннеди добиться запрещения ядерных испытаний в атмосфере, хотя и были колебания: включить ли в этот запрет все же и подземные испытания и особенно допустить ли иностранных контролеров на советскую территорию. А это – по Хрущеву – «прямой шпионаж».

И все-таки вопрос о запрещении ядерных испытаний в трех сферах оставался в это время одной из немногих наиболее перспективных областей возможной договоренности между Москвой и Вашингтоном.

В поисках контактов

Еще в конце 1961 года Хрущеву было передано негласное пожелание президента Кеннеди послать в Москву для неофициальных бесед Роберта Кеннеди. Хрущев ответил согласием. Одновременно договорились о приезде Аджубея в Вашингтон, что и было вскоре осуществлено.

Однако поездка Р. Кеннеди все откладывалась самими же американцами. Наконец в середине января президент сообщил Хрущеву, что он сожалеет по поводу просочившихся в американскую прессу сообщений насчет негласно готовящейся поездки Роберта в Москву, что породило различные измышления политических противников. Президент Кеннеди решил поэтому пока отложить такую поездку, но не снимал принципиальную договоренность о самой поездке.

Как известно, брату президента так и не удалось побывать в СССР, хотя вопрос о поездке поднимался еще несколько раз.

Тем временем Белый дом поставил вопрос о неофициальной поездке в Москву Сэлинджера, пресс-секретаря президента и близкого ему человека. Я помог организовать эту поездку в начале мая. Сэлинджер перечислил мне тех лиц в ближайшем окружении президента, с которыми полезно установить деловые связи. Он, в частности, рекомендовал мне встречаться с помощником президента Банди, един-

ственным человеком в Белом доме, который читал основные телеграммы всех послов и ежедневно обсуждал вдвоем с президентом важнейшие вопросы внешней политики США. Раск также имел неограниченный доступ к президенту, но большой объем работы в Госдепартаменте не позволял ему, в отличие от Банди, так часто встречаться с президентом.

Человеком номер 2 по близости к президенту Сэлинджер назвал Соренсена, но он в меньшей степени занимался вопросами внешней политики, а больше – писанием речей для президента и внутренней проблематикой.

3 мая президент устроил в Белом доме большой прием в честь дипломатического корпуса. Это всегда считалось значительным событием в политической жизни Вашингтона. К тому же чета Кеннеди любила и умела устраивать такие приемы, как говорится, по «высшему классу».

На этом приеме президент подвел ко мне своего брата Роберта, представив его в шутку как «специалиста по конфиденциальным контактам с Советским Союзом», с которым мне «следует поближе познакомиться». В том же духе я ответил президенту, что обязательно учту его совет.

Через неделю Роберт Кеннеди пригласил меня с женой «на семейный обед». Он явно хотел установить неформальные личные отношения. Обед прошел в непринужденной обстановке в красивом просторном особняке в богатом пригороде Вашингтона – Маклейне. Политические вопросы практически не обсуждались.

Когда мы рассказали, что сотрудники нашего посольства, выезжая на пикник, обычно жарят рыбу, пойманную ими в реке Потомак, то жена Кеннеди пришла в ужас. Она сказала, что вода в реке загрязнена и не рекомендуется поэтому есть выловленную там рыбу. Поскольку в этот день сотрудники посольства устроили себе пикник, то я срочно позвонил в посольство, чтобы предупредить об отравленной рыбе. Мне ответили, что рыба уже съедена, она оказалась вкусной, никто не заболел и все довольные вернулись с прогулки.

С этого обеда началось мое личное знакомство с Робертом Кеннеди. Человек он был сложный, противоречивый. В отличие от своего старшего брата Роберт спорил по всем возникавшим международным вопросам и нередко попадал в тупик, отстаивая свои позиции без должного знания дела. Часто горячился и в эти моменты бывал грубоват и неприятен в общении. Впрочем, когда он получал отпор, то обычно несколько сдерживал себя. Проблемы внешней политики он не знал детально, но, видимо, считал себя знатоком в этих вопросах, что порой осложняло разговор с ним, особенно когда он говорил от имени президента. А к последнему он, судя по всему, был действительно очень близок. В этом была главная ценность этого канала связи.

Я стремился, по мере возможности, использовать это важное обстоятельство. Таким путем не только поступала важная информация, но и можно было напрямую, иногда без дипломатии, сказать Роберту, как бы увлекшись спором с ним,

то, что не всегда было удобно говорить в более официальных деловых встречах с учтивым и вежливым президентом. Несомненно, и Дж. Кеннеди сам использовал брата, чтобы зондировать мнение советского посла. Приходилось учитывать и это.

Возникают проблемы

В середине мая в привычный круг вопросов наших отношений с США (германский и прекращение ядерных испытаний) ворвалась Юго-Восточная Азия. При Кеннеди этот район не стал еще источником постоянных раздражений в советско-американских отношениях, как это было при Джонсоне, Никсоне и Форде.

Москва не имела особых интересов в этом районе, в частности в Лаосе, где тогда шла гражданская война, в которую она не была вовлечена. Создалась редкая ситуация, когда и США, и СССР были согласны в том, что общим интересам отвечал бы нейтралитет Лаоса. Это констатировали и Кеннеди и Хрущев еще в 1961 году при их встрече в Вене.

Летом 1962 года шел конфиденциальный диалог между Кеннеди и Хрущевым по этому вопросу, проходивший в доброжелательном духе.

В середине июля Громыко и Раск участвовали в совместном подписании в Женеве документов по Лаосу. Это было хорошим, хотя, к сожалению, и редким примером возможно-

го сотрудничества наших стран. Лаос, однако, время от времени все же всплывал на беспокойную поверхность событий в Юго-Восточной Азии.

Тем временем в наших отношениях по-прежнему доминировали германский и берлинский вопросы. Я постоянно обсуждал их с госсекретарем Раском (равно как и посол Томпсон в Москве).

Раск ввел в практику раз в две-три недели встречаться со мной вдвоем в субботу в сугубо неофициальной обстановке, «сняв галстуки и за стаканом виски», для непринужденного обсуждения любых вопросов. Встречи были и в Госдепартаменте, у него дома, на яхте или у меня дома. Они были очень полезными для лучшего понимания позиций сторон по разным вопросам. Но по германскому вопросу и Западно-Берлину возник тупик. Аргументы и контраргументы стали звучать заученно и стандартно. Как-то Раск в шутливой форме предложил сберечь время при обсуждении этих проблем. Давайте, сказал он, занумеруем все вопросы и все ответы с обеих сторон. Тогда я, например, буду говорить: «Задаю вопрос номер пять», а вы будете отвечать: «Ответ номер шесть». И так далее. Затем вы пишете в Москву развернутый отчет о беседе, а я докладываю о ней президенту.

Конечно, шутка Раска носила дружеский характер, но она отражала серьезность тупиковой ситуации, складывавшейся вокруг Западного Берлина. В этот момент в советско-американский диалог лично включился Хрущев, чтобы усилить

давление на президента Кеннеди.

Р. Кеннеди в конфиденциальном порядке заявил Большакову, что президент обеспокоен сообщением посла Томпсона из Москвы о беседе с Хрущевым, в которой обсуждался вопрос о Западном Берлине. Эта беседа, сказал брат президента, содержит «тревожные нотки», напоминающие о возможности нового «берлинского кризиса». Сообщение Томпсона по серьезности тона похоже на его аналогичное сообщение, которое он прислал в прошлом году накануне встречи в Вене. Р. Кеннеди стремился убедить нас в том, что президент не может изменить свою позицию по Западному Берлину. Он «просто не может этого сделать». Если это будет понято в Москве, то можно будет договориться по ряду вопросов, взаимно интересующих обе стороны.

Р. Кеннеди в осторожной форме интересовался, не выступает ли кто-либо в советском правительстве «за решающее столкновение с США, даже если это может повести к большой войне». Это предположение было решительно отклонено.

На контрвопрос, имеются ли в правительстве США сторонники «столкновений» США с СССР, Р. Кеннеди ответил: в правительстве нет, а среди военных в Пентагоне («но не сам Макнамара») такие люди есть. Недавно военные представили президенту доклад, в котором утверждают, что в настоящее время США превосходят СССР по военной мощи и что в крайнем случае можно пойти на прямую пробу сил с

СССР. Но президент более реально оценивает соотношение сил и решительно отвергает какие-либо попытки «не в меру ретивых» сторонников «столкновения» США с СССР навязать администрации Кеннеди свою точку зрения.

Большаков вскоре передал реакцию из Москвы на ту часть беседы с Р. Кеннеди, где говорилось о роли военных. Президенту Кеннеди советовали держать в узде «не в меру ретивые головы в Пентагоне».

Брат президента в ответ с горячностью подчеркнул, что «такие головы» никаким влиянием в правительстве США не пользуются и, как и весь Пентагон, находятся под полным контролем Белого дома.

Тем временем напряженность вокруг германских дел, а значит, и в целом в советско-американских отношениях не спадала. Вооруженные силы США и СССР в Берлине, по существу, занимали позиции противостояния.

13 июля, по инициативе Раска, у меня состоялась с ним длительная беседа, которая касалась в основном германских дел, но по своему существу выходила на фундаментальные вопросы наших отношений. Раск жаловался, что в последнее время «вновь усилилось давление со стороны СССР в германском вопросе». Он говорил, что президент, будучи молодым, но любознательным человеком, проявляет большой интерес к событиям в мире, смотрит далеко вперед и что он искренне считает возможным установление «более нормальных отношений» между СССР и США, несмотря на идео-

логические противоречия. Но для этого необходимо, чтобы СССР также признавал жизненные интересы США и считался с ними, а не прибегал к опасному давлению.

Госсекретарь обратил внимание на участвовавшие заявления советских руководителей и печати по поводу возможности развязывания Соединенными Штатами превентивной войны против СССР. Если это делается в пропагандистских целях, сказал он, это одно. Но если подобные заявления отражают действительную точку зрения руководителей СССР, то это – очень опасное заблуждение.

В сугубо личном плане я заметил госсекретарю, что такая точка зрения имеет некоторое распространение в Москве. Правда, само советское руководство не опасается внезапного нападения США на СССР, но оно испытывает озабоченность, особенно в свете гонки вооружений, которой занимаются США, и растущей напряженности вокруг германских дел.

Раск ответил в том смысле, что нынешнее состояние международной обстановки и советско-американских отношений не вызывает пока больших надежд на договоренность по разоружению. Он дал понять, в частности, что намерение СССР заключить мирный договор с ГДР и тем самым завершить раскол Германии вызывает в Вашингтоне известное беспокойство ввиду дестабилизирующего влияния такого шага на обстановку в Европе.

В конце беседы Раск обратился ко мне (разговор был один

на один) «по очень деликатному вопросу». Многие лица в США, в том числе и в окружении Кеннеди, считают, что он, Раск, говорит с СССР «слишком мягким языком». Сам он действительно не является сторонником резких слов и при составлении заявлений и посланий Кеннеди и других документов, адресуемых советскому правительству, старается избегать этого. В связи с более «резкой» позицией СССР в отношении США в последние дни упреки в его адрес усилились. Он сам также начал опасаться как бы советско-американский диалог не вернулся к языку времен Даллеса, которого Раск никогда не одобрял. Приближение избирательной кампании в США в этом смысле может спровоцировать именно такой возврат, а этого надо избежать.

Надо признать, что Раск отчасти был прав. На наш официальный язык все более заметное влияние оказывал лично Хрущев, любитель крепких выражений, особенно когда он выступал публично и был эмоционально «заведен». Громыко не очень этому препятствовал, не желая лишний раз перечесть «хозяину», хотя сам избегал таких выражений.

Следует иметь в виду, что послания или письма Хрущева для американского президента обычно готовило Министерство иностранных дел. В них было все юридически продумано, изложено грамотным, профессиональным языком, но делалось это в сухом и официальном дипломатическом стиле, приверженцем которого по своей натуре был сам Громыко.

Хрущев же был иным по характеру человеком, которому

не нравился такой стиль. Он предпочитал разговорный язык, поэтому частенько ругал министра, а порой начинал сам переделывать послания на свой лад.

Делал он это довольно своеобразно. Покритиковав «сухари» Громыко за какой-то проект послания, Хрущев заявлял, что надо его переделать. После этого он начинал громко говорить, жестикулируя, как бы обращаясь к воображаемому президенту: «Господин президент, я не могу согласиться с вашей позицией...» И далее следовал его пространный монолог, как если бы это была настоящая беседа. При этом он обильно использовал богатый русский фольклор, весьма образный народный язык, далеко не всегда укладывавшийся в рамки дипломатической переписки. К тому же говорил довольно несвязно, эмоционально, перескакивал с одного вопроса на другой.

Все это торопливо записывалось, поскольку Хрущев, распекаясь, говорил очень быстро. Затем в министерстве началась обработка послания «под Хрущева». Последний ругался, когда «чиновники» слишком приглаживали его текст. Впрочем, он понимал необходимость дипломатической обработки его «задиктовок» и постепенно стал больше полагаться на тексты Громыко.

Вновь встречаюсь с президентом

Через несколько дней в советско-американский спор ре-

шил лично вмешаться и сам президент Кеннеди. 17 июля он пригласил меня в Белый дом и наедине изложил свои соображения в ответ на предложения Хрущева по германскому вопросу.

Суть его ответа сводилась к тому, что он, к сожалению, по-прежнему не может принять эти предложения советского премьера, ибо они, по существу, повторяют предыдущие предложения советской стороны: вывод американских и всех других западных войск из Западного Берлина в короткий период времени. Не может он также доверить свои жизненные интересы ООН.

Если мы согласимся на уход из Западного Берлина, сказал президент, то никто не будет больше доверять слову Вашингтона, и все обязательства по отношению к другим странам превратятся в пустой клочок бумаги. Если нас в той или иной форме вытеснят из Западного Берлина, то все те гарантии, которые мы давали Западной Европе, потеряют всякое значение, а это затрагивает наши коренные интересы, ибо союзнические отношения с западноевропейскими странами являются краеугольным камнем внешней политики США.

Я надеюсь, подчеркнул Кеннеди, что премьер Хрущев правильно меня поймет. Мы не хотим повторения прошлогоднего кризиса из-за Берлина и надеемся, что его не будет. Прошлогодний кризис нам стоил более 3 миллиардов долларов, да и СССР, наверное, понес немалые расходы.

Я, добавил он, также хотел бы избавиться от кастровской

Кубы, которая находится у нас под носом, но приходится считаться с ее существованием, как и с существованием ряда других вещей, с которыми не согласна та или иная сторона. Каждое серьезное обострение берлинского вопроса усиливает в Западной Европе позиции тех, кто хочет иметь собственное ядерное оружие, а США, как и СССР, против «независимых ядерных сил» в Европе.

Наша беседа с президентом по берлинскому вопросу не дала, да и не могла дать, каких-либо конкретных результатов. Мы настаивали на предоставлении Западному Берлину гарантированного статуса «вольного» города, а его населению свободы выбора образа жизни, но при условии, что оттуда выводятся западные войска. Кеннеди дал ясно понять, что он на это не пойдет, вплоть до конфликта с нами. (В Москве не сомневались в такой решимости президента, но Хрущев ошибочно надеялся, что постоянный нажим все же поможет нам добиться своей цели. В результате сохранялась длительная и в конечном счете никому не нужная напряженность.)

Затем президент спросил, согласится ли премьер Хрущев с заключением соглашения о запрещении ядерных испытаний в атмосфере после окончания нынешней серии советских ядерных взрывов. Я ответил ему, что премьер Хрущев выступает за запрещение всех видов ядерных испытаний при контроле за ними национальными средствами.

Президент заметил, что недавнее весьма образное заявление Хрущева о новой советской ракете, которая «может по-

пасть в муху в небе», вызвало среди американских ученых и военных новую волну дискуссий и споров по поводу военных достижений СССР, особенно в том, что касается качественных результатов последних советских испытаний, в частности весьма мощных взрывов.

В конце беседы президент в примирительном тоне высказал надежду, что уже в недалеком будущем удастся все же договориться о заключении соглашения о запрещении ядерных испытаний на условиях, приемлемых для всех.

От беседы с президентом у меня сложилось впечатление, что он был заметно озабочен нашим новым нажимом на Вашингтон по германским делам, но все же, видимо, полагал, что до крупного конфликта дело не дойдет, если он будет сохранять достаточную военную мощь США в этом районе.

В конце августа у меня состоялась любопытная доверительная беседа с помощником президента Соренсеном. Его основная задача в Белом доме, как он сказал, следить за политическими настроениями в стране, чтобы максимально содействовать личной популярности президента и его политики. Сейчас он занят разработкой стратегии и тактики, которой будет придерживаться президент в ходе разворачивающейся в США кампании по выборам в конгресс, чтобы помочь своей партии.

Советский Союз, отметил Соренсен, конечно, имеет возможность оказать определенное влияние на исход нынешних выборов, если усилит нажим в берлинском вопросе. Тогда

независимо от действий президента республиканцы получают дополнительные шансы на выборах.

Из его высказываний также ясно следовало, что Кеннеди явно предпочел бы «нейтралитет» СССР в ходе выборов. Это могло бы открыть дорогу к встрече с Хрущевым после выборов, а может быть, и до этого, если появится перспектива соглашения по какому-либо конкретному вопросу.

Это заявление было, конечно, необычным и не могло не привлечь внимание Москвы. Через несколько дней я сообщил Соренсену, что содержание нашей беседы доложил премьеру Хрущеву. К пожеланиям президента мы относимся с пониманием. С советской стороны ничего не будет предпринято такого, что могло бы осложнить международную обстановку и усилить напряженность между нашими странами накануне выборов. Разумеется, мы будем придерживаться этой линии, если действия другой стороны не вынудят нас к проведению иного курса. Сказанное целиком относится и к вопросу о германском мирном договоре и Западном Берлине.

Помощник президента отметил важность этого сообщения, так как оно охватывает весь комплекс советско-американских отношений.

Когда я передал Соренсену это обещание Хрущева «не обострять международную обстановку», я не знал, что в Москве уже было принято решение о завозе ядерных ракет на Кубу. Хрущев вел себя как азартный игрок, сознательно дезинформируя президента.

4 сентября я встретился с Робертом Кеннеди (беседа была наедине). Хотя инициатива встречи исходила от нас и в связи с другим вопросом, тем не менее состоялся крупный разговор о Кубе.

В начале встречи я передал ему соображения премьера Хрущева относительно прекращения испытаний ядерного оружия. Он предлагал немедленно подписать соглашение о прекращении испытаний в атмосфере, космосе и под водой, но одновременно договориться, что в отношении подземных испытаний будут продолжены переговоры; на все время этих переговоров ядерные державы должны будут воздержаться от проведения таких испытаний.

Но Р. Кеннеди в тот день, похоже, больше интересовало другое. Он в довольно раздраженной форме поднял вопрос о советской военной помощи Кубе. Американское правительство, сказал он, с растущим беспокойством наблюдает за увеличением советских военных поставок на Кубу и появлением там советских военных специалистов. Особенно беспокоит правительство США рост военных поставок и, в частности, прибытие на Кубу ракет «земля – воздух». Пока ракеты в руках советских специалистов, тут есть гарантии, а когда они перейдут в руки «эмоциональных кубинцев»? Возникает и другой, весьма важный для безопасности самих США вопрос: куда в перспективе, если продолжить логическую линию, могут привести такие поставки на Кубу? Не появятся ли более мощные ракеты, которые могут достичь и террито-

рии США? Не смогут ли они в конечном счете иметь и ядерные боеголовки? Правительство США в этом случае определенно не сможет допустить, чтобы безопасность его страны зависела от тех или иных решений нынешнего правительства Кубы. Именно поэтому, сказал в заключение мой собеседник, правительство придает сейчас столь большое значение вопросу о советских военных поставках Кубе.

В ответ я указал на право Кубы на самооборону. Что касается ядерных ракет, то известна позиция СССР в пользу скорейшего заключения соглашения о нераспространении ядерного оружия (откровенно говоря, я вообще не допускал тогда мысли о размещении наших ядерных ракет на Кубе). Я обошел вопрос о наличии других, не ядерных ракет и советских военных специалистов на Кубе, о чем говорил Р. Кеннеди (не подтверждая и не отрицая, так как у меня самого не было никакой информации из Москвы на этот счет, вплоть до начала кубинского кризиса). В целом же я хорошо понимал важность и значение поднятых Р. Кеннеди вопросов и срочно попросил Москву сориентировать меня.

Ответ из Москвы был весьма лаконичен: в беседах с американцами подтверждайте, что «на Кубе находится только советское оборонительное оружие»³. Никаких других пояс-

³ Этот ответ вводил в заблуждение. В Москве считали под этим термином любое оружие, которое могло бы пригодиться для обороны Кубы от вторжения. Американцы же исходили из того, что это охватывает виды оружия для обороны лишь на подступах к Кубе, но не достигающие территории самих США (мы и их включили в понятие «оборонительные», так как исходили из того, что мы и Ку-

нений или деталей мне не сообщили даже для моей личной ориентировки.

Больше того, Большаков, вернувшись из отпуска, сказал буквально то же самое Р. Кеннеди со ссылкой на самого Хрущева. Короче, Москва продолжала свой курс на дезинформацию администрации Кеннеди насчет своих намерений разместить советские ядерные ракеты на Кубе.

В середине сентября в советских газетах было опубликовано специальное заявление ТАСС. «Советскому Союзу не требуется перемещать в какую-либо страну, например на Кубу, имеющиеся у него средства для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства настолько мощны по своей взрывной силе и Советский Союз располагает настолько мощными ракетоносителями для этих зарядов, что нет нужды искать место для размещения их где-то за пределами СССР». Это заявление ТАСС было передано и в наше посольство, но без каких-либо комментариев или пояснений со стороны советских должностных лиц. Опять это была дымовая завеса.

И я, и Большаков в результате исходили в дальнейшем из того, что поставляемые на Кубу советские ракеты по своим параметрам неспособны были достичь территории США и не были ядерными. Я аккуратно докладывал о всех своих раз-

ба сами не будем нападать на США). Эта казуистика в конце концов обернулась против нас, когда в конце кризиса нам пришлось вывезти с Кубы не только ракеты, но и самолеты среднего радиуса действия, ибо они подпали под категорию «наступательного оружия».

говорах с американскими официальными лицами на эту тему. Сообщал также, что отвечал на эти вопросы в духе заявления ТАСС. И ни разу ни Хрущев, ни Громыко не поправили меня. Фактически они умышленно использовали своего посла вплоть до «начала самого кризиса в целях дезориентации американской администрации в отношении намерений Москвы (хотя прямых указаний на счет дезориентации мне не давали). Такое поведение моих руководителей потрясло меня, когда я узнал о реальном положении вещей уже в ходе самого кризиса.

Возвращаясь к разговору с Р. Кеннеди, упомяну еще об одной детали. Мой собеседник не скрывал своего раздражения по поводу того, что в беседах с иностранцами советский премьер говорит о «мягкотелости» администрации США, которая, мол, не будет защищать Западный Берлин в случае чрезвычайного положения. Эти высказывания становятся известными в США, что также наносит удар по престижу президента.

Я знал, что жалобы Р. Кеннеди могли быть справедливыми, поскольку Хрущева нередко «заносило» в беседах с иностранцами. В качестве примера ненужной бравады Хрущева можно привести следующие его высказывания в беседе с Сэлинджером: «Западный Берлин является главным испытанием; это Рубикон, перейдем его без войны – все пойдет хорошо, если нет – будет плохо. Ключ ответа на этот вопрос находится в руках президента».

В заключение нашей довольно напряженной беседы Р. Кеннеди сказал, что главная цель его сегодняшних неофициальных высказываний – показать растущую озабоченность президента по поводу возможного дальнейшего развития советско-американских отношений, перспектива которых пока явно не обнадеживает.

Хрущев направляет послание Кеннеди

18 сентября я сообщил Р. Кеннеди об устном послании Хрущева президенту Кеннеди. Это послание (на 15 страницах) было самым развернутым и самым важным изложением взглядов советского руководства на отношения с администрацией Кеннеди незадолго до кубинского кризиса. Поэтому приведу его достаточно полно.

В послании отрицались высказывания советских руководителей по поводу «мягкотелости» американской администрации. Содержалось также новое предложение, чтобы договор о запрещении ядерных испытаний касался всех сфер, при этом предлагалось предусмотреть в договоре установку автоматических сейсмических станций как вблизи границ ядерных держав, так и 2–3 такие станции непосредственно на территориях государств, обладающих ядерным оружием, в районах, наиболее подверженных землетрясениям. Мы готовы были заключить соглашение, исключаящее пока подземные испытания, но с мораторием на время переговоров

или на пять лет (в целом это была попытка Москвы достичь компромисса).

Далее Хрущев отвечал на озабоченность президента Кеннеди, переданную его братом (в беседе с советским послом) по поводу советско-американских отношений. Мы огорчены, говорилось в послании, но обострение посеяно не нами. Мешают очаги международной напряженности, являющиеся источником постоянных трений между нашими странами. Их необходимо устранить, и прежде всего ликвидировать ненормальное положение в Западном Берлине. Сейчас мы решили «заморозить» германский вопрос до окончания выборов, но мы намерены продолжить диалог по этому вопросу. Единственный вопрос, по которому у нас остались разногласия, как мы считаем, – это вопрос о пребывании иностранных войск в Западном Берлине. Лучше всего было бы разместить там войска ООН, резюмировал Хрущев свою позицию по этому вопросу.

Я имел хорошую беседу с Вашим министром внутренних дел Юдалом, продолжал Хрущев. (Юдал был в Москве вместе со своим другом, известным поэтом Робертом Фростом. – А. Д.) И никак не ожидал, что в этот момент Вы примете решение обратиться в конгресс с просьбой разрешить призвать 150 тысяч резервистов. Вы мотивировали этот свой шаг накалом международной обстановки и необходимостью для Вас в связи с этим искать возможность быстро реагировать на опасности, могущие возникнуть в любой части «сво-

бодного мира». Каждый понимает, что накал якобы создается другой стороной, то есть нами, Советским Союзом. Но ведь мы не предпринимаем ничего, что могло бы дать повод для этого. Мы никакой мобилизации не проводим, ни с какими угрозами не выступаем.

Ваше выступление, г-н президент, с угрозами против Кубы – это просто невероятный шаг. Мы были вынуждены ответить заявлением ТАСС, а затем в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН. Если бы не было Вашего выступления по Кубе, то мы, естественно, не стали бы ничего говорить о Западном Берлине. Мы сожалеем, что эта опасная линия продолжается и сейчас. Самые серьезные последствия может иметь резолюция сената по кубинскому вопросу. Содержание этой резолюции дает основание сделать вывод, что США, видимо, готовы взять на себя ответственность за развязывание ядерной войны. Резолюция говорит об отказе США в помощи любой стране, которая торгует с Кубой. Это полный произвол!

Мы и сейчас надеемся, что нам удастся нормализовать наши отношения. Но для этого США должны перестать вмешиваться в дела других стран. Мир разделен на два лагеря – на капиталистический и социалистический. Единственно правильной политикой является политика мирного сосуществования.

Хочу обратить Ваше внимание, г-н президент, на продолжающиеся облеты американскими самолетами наших судов.

В августе имело место 140 случаев таких облетов. Американские военные корабли в открытом океане пытаются останавливать наши суда. Хочу еще раз сказать Вам: советские суда, которые следуют по заданному правительством курсу, имеют указание не уступать никаким пиратским требованиям в международных водах и идти своим курсом, если даже им будут угрожать открытием огня. Пусть попробуют задержать или потопить наши суда – это будет началом войны, потому что мы ответим тем же. У нас достаточно подводного флота, который может постоять за честь своей Родины. Наше государство располагает и другими средствами. Аналогичными средствами располагаете и Вы. Так зачем же устраивать такие провокации, зачем же угрожать друг другу?

Мы не проводили мобилизацию и не думаем проводить ее, но мы были вынуждены дать нашим вооруженным силам приказ находиться в наивысшей боевой готовности. Вы вынудили к этому нас своей мобилизацией и другими действиями, предпринятыми Вами в последнее время. Может быть, все это делается в связи с предвыборной конъюнктурой в Вашей стране. Но это очень опасно, так как уже выходит за пределы конъюнктуры внутри страны; такие действия накаливают международную обстановку, создают угрожающее положение.

Поэтому я просил бы Вас, г-н президент, правильно понять наше беспокойство и не предпринимать ничего, что могло бы еще более накалить атмосферу и даже взорвать

мир. Мы со своей стороны вновь заверяем Вас, что мы ничего не предпримем в отношении Западного Берлина до выборов в США. После выборов, видимо, уже во второй половине ноября, надо бы, по нашему мнению, продолжить диалог. Большое значение для отыскания путей решения как этой проблемы, так и других неотложных международных проблем имеют личные контакты государственных деятелей на самом высоком уровне. Мы должны будем прийти к необходимости достижения соглашения по Западному Берлину, чтобы ликвидировать этот опасный очаг, который все время портит наши отношения, такими словами Хрущев заканчивал свое послание.

Когда я ехал к Роберту Кеннеди с этим посланием Хрущева, то готовился к неприятному и, возможно, бурному разговору с ним. К моему удивлению, он лишь несколько мрачновато сказал, что сегодня же передаст послание президенту.

В обсуждение каких-либо вопросов он не стал вступать, согласившись с тем, что хорошо бы, конечно, взаимно не предпринимать ничего, что могло бы накалить обстановку перед выборами в конгресс США. Это главное.

Следует иметь в виду, что положение вокруг Берлина к началу осени 1962 года было напряженным. Хрущев усиливал свой нажим, в том числе и на коммуникациях Западного Берлина с внешним миром. Президент Кеннеди часто совещался со своими военными советниками о мерах по укреплению американских вооруженных сил в этом районе в це-

лях противодействия советскому давлению. Обе стороны поставили во главе своих войск в Германии боевых генералов: в Западной Германии генерала Клея, в Восточной маршала Конева.

К счастью, у обеих сторон хватило разума и выдержки не прибегать к оружию. Были приняты меры, чтобы такое противостояние не усиливалось, но положение все же оставалось достаточно сложным.

Ретроспективно я спрашивал себя: была ли эта напряженность вокруг Берлина умышленным маневром Хрущева, чтобы отвлечь внимание Кеннеди от Кубы, где размещались советские ракеты?

Возможно, это так и было, хотя у меня нет конкретных доказательств на этот счет, нет таких данных и в наших архивах. Но я подозреваю, что он увязывал эти два вопроса, надеясь таким путем оказать на Кеннеди соответствующее давление в надежде добиться от него определенных уступок.

Эти иллюзии рассеялись с кубинским кризисом.

В середине октября я встретился за ланчем с советником Госдепартамента Томпсоном для сугубо неофициального обсуждения сложившегося положения. Мы знали друг друга давно и могли говорить достаточно свободно. Томпсон лишь недавно вернулся с поста посла в Москве, где он пользовался уважением и авторитетом – члены советского руководства охотно беседовали с ним на государственных приемах. Это был внимательный, приятный и знающий про-

фессионал, хорошо говоривший по-русски и умевший расположить к себе людей. Он был сторонником улучшения наших отношений; идеологические соображения у него проявлялись гораздо реже, чем у многих других американских послов. Пожалуй, это был лучший американский посол в СССР в период холодной войны.

Запомнился один забавный случай, связанный с его деятельностью на посту посла в Москве. 4 июля он устроил большой прием в своей резиденции по случаю национального праздника США. Гости могли выходить в небольшой сад на территории его резиденции. Там выделялся участок с отлично выращенной кукурузой. На нее сразу же обратил внимание Хрущев, который был на приеме. Кукуруза была его «хобби», и он старался привить ее в России, где только можно было, и даже там, где она не росла. Москва по климатическим условиям, как считали наши специалисты, не подходила для этой культуры. А он им не очень верил.

И когда Хрущев увидел кукурузу Томпсона, он тут же потребовал позвать к себе нашего министра сельского хозяйства. А когда тот явился, то стал его при всех критиковать: Томпсон дипломат, а не фермер, но вот смог же вырастить такую хорошую кукурузу, а министр уверяет его, что в Подмосковье это сделать нельзя.

Уже после приема Томпсон, посмеиваясь признался мне, что с его кукурузой (с каждым стеблем индивидуально) работал советник посольства по сельскому хозяйству, чтобы

при случае удивить Хрущева. Такой случай и представился.

Но вернемся к нашей встрече с Томпсоном в Вашингтоне. Самым интересным в политической части этой беседы с Томпсоном было то, что администрация Кеннеди в этот период основную угрозу кризиса в советско-американских отношениях видела в берлинском вопросе, а не в кубинских событиях, которые разразились буквально через несколько дней.

Кубинский кризис. Октябрь 1962 года

После провала интервенции на Кубе в апреле 1961 года, предпринятой кубинскими контрреволюционерами, США продолжали оказывать всесторонний нажим на Кубу. В январе 1962 года они добились исключения Кубы из Организации американских государств и прибегли к экономической блокаде.

Летом и осенью 1962 года обстановка в Карибском бассейне еще более обострилась. К берегам Кубы направлялись американские корабли, в воздухе в этом районе круглосуточно находились самолеты стратегической авиации США. ЦРУ и Пентагон разработали долгосрочный план под кодовым названием «Мангуста». Он был направлен на подрыв и свержение режима Кастро. План был одобрен президентом Кеннеди.

Усиливался психологический «прессинг» на Кубу, а также пропагандистская кампания против СССР в связи с оказываемой Москвой военной и экономической помощью Кубе.

В заявлении ТАСС от 11 сентября 1962 года советское правительство осудило ведущуюся в США враждебную кампанию против СССР и Кубы и подчеркнуло, что «сейчас нельзя напасть на Кубу и рассчитывать, что это нападение будет безнаказанным для агрессора».

Хрущев предлагает Кубе ядерные ракеты; Ф. Кастро соглашается. О чем думал Хрущев?

Здесь следует сказать о важных конфиденциальных договоренностях, которые начиная с мая 1962 года были достигнуты в строжайшей тайне между советским руководством и Ф. Кастро.

Советник нашего посольства на Кубе А. Алексеев (сотрудник КГБ) поддерживал дружественные доверительные связи с Кастро, и последний охотнее общался с ним, чем с послом Кудрявцевым, не сумевшим установить должный контакт с кубинским руководителем (что не осталось незамеченным в Москве). В начале мая Алексеев был неожиданно вызван в Москву и приглашен к Хрущеву. Как рассказывал впоследствии сам Алексеев, Хрущев сказал ему следующее: «Мы назначаем Вас послом на Кубе. Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это может оградить Кубу от прямого американского вторжения. Как Вы думаете, согласится ли Кастро на такой наш шаг?»

Алексеев был поражен таким оборотом дела и несколько растерялся. После некоторой паузы он сказал, что Фидель строит всю свою стратегию защиты кубинской революции на солидарности с ней народов Латинской Америки и вряд ли согласится с нашим предложением. Советское военное при-

существование на Кубе будет использовано американцами для полной изоляции Кубы на латиноамериканском континенте.

Через день, в воскресенье, Хрущев собрал у себя на даче почти всех членов Президиума ЦК КПСС, Громыко и нескольких военачальников. Хрущев сказал присутствующим: «Вот Алексеев говорит мне, что Фидель Кастро испугается нашего решения и вряд ли согласится на размещение ракет. Я думал над этим и пришел к выводу, что, может быть, нам не следует говорить ему об уже принятом решении, а заявить, что для спасения кубинской революции требуется смелый шаг. Поскольку в этом регионе мира соотношение сил не в нашу пользу, советское правительство могло бы рассмотреть даже вопрос, если Фидель сочтет это приемлемым, о размещении на Кубе советских ракет. Ракеты необходимо доставлять и размещать незаметно, с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом». «Важно, – добавил он, – избежать утечки сведений в прессу до окончания в США промежуточных выборов – 4 ноября, чтобы не обострять обстановки там. Когда же выборы пройдут и накал предвыборной борьбы стихнет, то американцам ничего не останется, как проглотить эту горькую пилюлю. Ведь мы же вынуждены мириться с американскими ракетами, размещенными вблизи наших границ в Турции». Затем он отметил, что мысль о размещении наших ракет на Кубе пришла ему в голову, когда он недавно был на отдыхе в Варне (Болгария) и размышлял о

средствах, которые позволили бы защитить кубинскую революцию от прямой американской агрессии.

Как вспоминает Алексеев, Фидель, к его удивлению, спокойно воспринял советские соображения. Он немного задумался, а затем заявил следующее: «Это очень смелый шаг, и, чтобы сделать его, мне необходимо посоветоваться со своими ближайшими соратниками. Но если принятие такого решения необходимо социалистическому лагерю, я думаю, мы дадим свое согласие на размещение советских ракет на нашем острове. Пусть мы будем первыми жертвами в схватке с американским империализмом». Его еще раз заверили, что единственная цель сделанного предложения – это защита Кубы от возможной американской агрессии.

И все-таки, какая необходимость двигала поступками Хрущева, когда он принимал такое опасное решение, как доставка советских ракет с ядерными боеголовками на Кубу? Защита Кубы от постоянной угрозы нового вторжения контрреволюционных сил при поддержке, а то и при прямом участии США? Несомненно, это было одной из главных причин.

В своих мемуарах Хрущев называет только эту причину, как основной мотив. Могу, однако, засвидетельствовать, что у него вызывал тревогу стратегический паритет с США, который в ту пору явно складывался в пользу американской стороны, ввиду ее большого преимущества в ракетно-ядерном потенциале (СССР имел тогда 300 ядерных боеголовок

против 5000 американских). На политбюро он не раз вспоминал слова Сталина, сказанные незадолго до смерти: «Когда меня не будет, американцы свернут вам шею, как цыплятам». Установкой ядерных ракет на Кубе, которые могли бы поразить значительную часть территории США, Хрущев рассчитывал определенным образом выправить военно-стратегический паритет с США. При этом он, разумеется, думал не о ракетно-ядерной войне, а о получении дополнительного политического статуса в отношениях с США, дополнительного веса в переговорах с ними по разным сложным вопросам, в том числе и по Западному Берлину.

Надо сказать, что Хрущев сильно надеялся на то, что Кеннеди проглотит, как он говорил, «горькую пилюлю», когда узнает о советских ракетах. Ведь сами американцы уже разместили свои аналогичные по дальности ракеты в Турции, Италии и Англии. И Москве пришлось это стерпеть, так как с международно-правовой точки зрения ничто не препятствовало США сделать это с согласия правительств стран, где такие ракеты размещались. А теперь Куба давала такое же согласие Москве. Почему не поступить так же, как американцы? – так примерно рассуждал Хрущев. Но он не учитывал важный психологический фактор: американцы делали это открыто, а он пытался сделать это в глубокой тайне, да еще прибегая к умышленной дезинформации правительства Кеннеди, чем усиливал подозрения Вашингтона в отношении намерений Хрущева. Интересно, что сам Кастро

понимал этот фактор и первоначально предлагал Хрущеву сделать все это открыто, заключив соответствующее советско-кубинское соглашение. Но Хрущев не хотел неизбежных длительных публичных споров с США, решив поставить их перед свершившимся фактом.

Аджубей рассказывал, что когда Хрущев принимал в Крыму на своей даче у моря гостей из западных стран, то любил порой их спрашивать, не видят ли они противоположный, турецкий берег. Гость вглядывался в горизонт, не понимая, к чему клонит хозяин, и отвечал отрицательно. Хрущев разводил руками: «Ну, это у вас близорукость. Я прекрасно вижу не только турецкий берег, но даже наблюдаю за сменой караулов у американских ракетных установок, нацеленных в сторону СССР. Наверное, на карту нанесена и эта дача. Как вы думаете?»

Шутки шутками, но, как свидетельствовал Аджубей, Хрущев все чаще задавался вопросами, отчего американцы узурпировали право ставить ракеты так близко к нашим границам? Почему США окружили нашу страну военными базами? Почему Вашингтон может держать своего соперника, мир в постоянном страхе, а мы не можем?

Эти мысли толкали Хрущева к поиску ответного решения. На Кубе, например, есть американская военная база в Гуантанамо. Отчего не быть здесь и советской? Для равновесия. Тем более что такие базы не противоречат международным правовым нормам. Хрущеву, судя по всему, очень хотелось,

чтобы с ним во всем мире больше считались, может быть, даже так, как в свое время со Сталиным.

В июне в Москву прибыл с рабочим визитом Рауль Кастро, который вместе с министром обороны Малиновским парафировал секретный договор о размещении на Кубе советских ракет. Затем в Москве побывал Че Гевара, который сообщил поправки Кастро к парафированному договору. Все поправки были безоговорочно приняты Хрущевым, но формально соглашение так и не было подписано, так как вскоре начались тревожные дни кубинского кризиса.

По свидетельству генерала Грибкова, непосредственно осуществлявшего переброску ракет, всего на Кубе было установлено 42 ракеты средней дальности, которые обслуживались 40-тысячным контингентом советских войск. Больше того, эти ракеты, как выяснилось лишь много лет спустя, имели ядерные боеголовки, способные уничтожить крупнейшие города Америки. Мощность боеголовок равнялась бомбам, сброшенным на Хиросиму и Нагасаки, а пара боеголовок была в несколько раз больше. К счастью, в тот момент правительство США не знало о таком вооружении наших ракет, иначе весь конфликт мог перерасти в крупнейший и даже катастрофический кризис.

Надо сказать, что все эти шаги держались в глубокой тайне не только от общественности, но и от всей дипломатической службы СССР. Даже я, посол СССР в США, и постоянный представитель СССР при ООН Зорин были в полном

неведении на этот счет. Более того, у нас была инструкция общего порядка: на все возможные расспросы о ракетах отвечать, что на Кубу поставляем только «оборонительное оружие», не вдаваясь ни в какие детали.

Короче, Москва умышленно в целях сохранения тайны не только не информировала меня о таком драматическом развитии событий, как поставка ядерных ракет на Кубу, но и фактически сделала своего посла невольным орудием обмана, поскольку я упорно повторял американским собеседникам, что на Кубе находится только «оборонительное оружие», а ведь в моих верительных грамотах, врученных президенту Кеннеди, правительство СССР призывало его «верить» всему, что будет говорить посол от имени правительства! В еще более нелепом положении оказался наш посол в ООН Зорин, который до последнего дня говорил об этом же, но публично, на заседаниях Совета Безопасности ООН.

Через несколько лет Раск рассказывал мне, что сразу же после кубинского кризиса в Белом доме даже обсуждался вопрос о том, не потребовать ли моего отзыва с поста посла в Вашингтоне за то, что сознательно вводил в заблуждение правительство США. Однако в результате обсуждения у президента Кеннеди пришли к выводу, что посол сам не был информирован о действиях своего правительства и поэтому ему несправедливо предъявлять подобные обвинения.

Любопытен и такой эпизод. Весной 1989 года в Москве проходил советско-американский семинар по кубинскому

кризису. В нем участвовали в числе других Громыко и я. Один из американских участников спросил, был ли я информирован заранее о ракетах на Кубе. Я ответил отрицательно, переадресовав вопрос Громыко. Последний сказал, что, конечно, «странно, что не информировали; секретов от посла не должно было бы быть».

Громыко не говорил правду, а она заключалась в том, что вся операция с ракетами считалась исключительно секретной, и о ней знал очень узкий круг людей. К тому же, не зная всего этого, мы, то есть Зорин и я, могли бы уверенно защищать фальшивую версию о ракетах. Цинично? Да. Но это было именно так.

Для общего настроя в Белом доме накануне кубинского кризиса довольно показателен закрытый брифинг о международном положении, который провел в середине октября для группы ведущих редакторов президент Кеннеди. Характерно, что, говоря о возможном источнике нового кризиса, упор он больше сделал на Берлине, а не на Кубе.

Буквально через пару дней Кеннеди пришлось срочно переоценивать кубинскую ситуацию. 14 октября американские самолеты У-2 засекли на Кубе стартовые площадки, предназначенные для ракет средней дальности. 16 октября фотоснимки и заключение военных экспертов были представлены президенту США. В Белом доме начались лихорадочные заседания созданной при президенте «кризисной группы», куда, как позднее стало известно, входили Р. Кенне-

ди, Макнамара, Раск, директор ЦРУ Маккоун, председатель Комитета начальников штабов генерал Тэйлор, специальные помощники президента Банди, Соренсен и Ачесон, заместитель госсекретаря Болл, постоянный представитель США при ООН Стивенсон, бывший посол США в СССР Томпсон⁴.

Насколько можно судить по опубликованным позднее материалам и мемуарам, наиболее агрессивную позицию в «кризисной группе» занимали Тэйлор, Ачесон, Маккоун и отчасти Банди. Они пользовались полной поддержкой генералитета Пентагона и лидеров конгресса и выступали за немедленную бомбардировку обнаруженных стартовых площадок и, возможно, высадку на Кубу американских войск. Некоторые генералы допускали вроде даже возможность использования ядерного оружия (но всерьез этот вопрос не ставился).

Судя по всему, президент Кеннеди после колебаний пришел к выводу, что при решении возникшей проблемы предпочтение должно быть отдано прежде всего дипломатии, переговорам и компромиссам, при одновременном использовании силового нажима.

В беседах, которые Р. Кеннеди вел со мной по поручению президента, он делал намеки по поводу эмоциональной ат-

⁴ Кстати, только недавно стало известно, что Кеннеди, как и Никсон, имел у себя секретную записывающую аппаратуру. Однако она включалась не автоматически, а после незаметного нажатия президентом соответствующей кнопки.

мосферы, царившей в «кризисной группе», хотя порой казалось, что он несколько сгущает краски, чтобы в драматическом свете представить нажим военных и добиться советского согласия на вывоз ракет. Однако в целом, я думаю, он достаточно правдиво передавал напряженную обстановку в Белом доме, и мои сообщения об этом показывали Хрущеву серьезность всей ситуации.

Встреча Громыко с президентом накануне кризиса

Именно в момент лихорадочной закулисной активности американской администрации вокруг кубинских дел 18 октября состоялась встреча президента Кеннеди с министром Громыко, который приехал в Вашингтон из Нью-Йорка с сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Я присутствовал на этой далеко не ординарной встрече. Беседа с Кеннеди, как признавал позже в своих мемуарах Громыко, была, пожалуй, самой сложной из тех бесед, которые ему пришлось вести за 48 лет с каждым из всех девяти президентов США.

Беседа изобиловала резкими поворотами, недоговоренностями. И Кеннеди, и Громыко нервничали, хотя внешне старались этого не показывать. Разговор в значительной степени шел вокруг Кубы и политики США и СССР в этой связи. Президент вел дело к тому, что обострение обстановки про-

изошло из-за действий СССР, осуществляющего поставки оружия Кубе. Впрочем, он не проявлял особой воинственности. Даже повторил свое признание, сделанное еще в Вене, что вторжение на Кубу в прошлом году было ошибкой.

Диалог шел в рамках довольно привычной дискуссии об «оборонительном» и «наступательном» оружии на Кубе, то есть без ссылок с обеих сторон на ракеты. Следует отметить, что президент на протяжении всей беседы ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия (хотя, как позже выяснилось, снимки стартовых площадок советских ракет у него лежали в столе). Следовательно, и мне, писал, оправдываясь, в своих мемуарах Громыко, не надо было давать ответ, есть на Кубе такое оружие или нет.

Почему промолчал президент Кеннеди? Ответа на это нет у меня, но думается, что он не имел еще ясного отработанного плана действий, а без этого он вряд ли хотел вступать в бесцельную дискуссию с Громыко.

Обсуждались, как обычно, и германские дела с Западным Берлином.

По ходу беседы Громыко исполнил «поручение Москвы»: передать президенту Кеннеди предложение советского руководства о проведении советско-американской встречи на высшем уровне для урегулирования спорных международных проблем и рассмотрения вопросов, вызывающих расхождения между СССР и США.

Хотя непосредственно во время беседы Кеннеди положи-

тельно реагировал на это предложение, позже, в тот же день, Громыко было сообщено, что, по мнению американской стороны, указанная встреча, если бы она состоялась в ноябре 1962 года, носила бы неподготовленный характер и вряд ли привела бы к положительным итогам. Таким образом, Вашингтон, не отрицая возможности встречи на высшем уровне, отложил ее на неопределенное время.

Громыко, будучи введенным в заблуждение довольно спокойным поведением Кеннеди, в целом остался доволен беседой с президентом. Весьма показательно его «оптимистическое» сообщение об этой важной встрече с президентом США, которое он сразу отправил в Москву.

Все то, что нам известно о позиции правительства США по кубинскому вопросу, докладывал Громыко, позволяет сделать вывод, что обстановка, в общем, вполне удовлетворительная. Это подтверждается как официальными заявлениями деятелей США, включая президента Кеннеди, в том числе заявлением последнего в беседе с нами 18 октября, так и всей информацией, которая доходит до нас по неофициальным каналам. Есть основания считать, что США сейчас не готовят вторжение на Кубу и сделали ставку на то, чтобы путем помех экономическим связям Кубы с СССР разрушить ее экономику и вызвать голод в стране, а тем самым и восстание против режима. Главная причина занятой правительством США позиции, продолжал министр, состоит в том, что правительство США поражено смелостью ак-

ции СССР по оказанию помощи Кубе. Оно рассуждает так: советское правительство отдает себе отчет в том, какое большое значение американцы придают Кубе и ее положению и насколько болезненным для США является этот вопрос. Но раз СССР, зная об этом, идет на оказание такой помощи Кубе, значит, он полон решимости дать отпор в случае американского вторжения на Кубу. Нет единого мнения в том, как и где будет дан этот отпор, но что он будет дан – в этом не сомневаются.

В последние дни, писал далее Громыко, острота антикубинской кампании в США несколько уменьшилась и, соответственно, стала больше выпячиваться острота вопроса о Западном Берлине. Газеты шумят о надвигающемся кризисе в связи с Западным Берлином, о предстоящем чуть ли не в самое ближайшее время подписании мирного договора с ГДР и тому подобное. Цель такого изменения в деятельности пропагандистской машины и состоит в том, чтобы несколько отвлечь внимание общественного мнения от кубинского вопроса. Все это делается не без участия Белого дома. Есть даже слух о том, что СССР будто бы дает понять, что он сможет смягчить свою позицию в кубинском вопросе, если Запад смягчит свою позицию по Западному Берлину.

Полностью, конечно, нельзя и теперь быть застрахованным от неожиданностей и авантур со стороны США в кубинском вопросе, заключал он. И все же, учитывая объективные факты и сделанные нам соответствующие официаль-

ные заверения об отсутствии у США планов вторжения на Кубу (что их, бесспорно, во многом связывает), можно сказать, что в этих условиях военная авантюра США против Кубы почти невероятна.

Таков был в целом успокоительный вывод Громыко накануне кубинского кризиса. Я попытался убедить его дать более осторожную оценку ситуации. Он не согласился: видимо, ему хотелось сделать приятное Хрущеву.

Начало кризиса. В центре событий

22 октября я вылетел в Нью-Йорк, чтобы проводить Громыко, который улетал в тот же день в Москву. Но и тогда он не сказал мне, что на Кубе размещаются советские ракеты с ядерными боеголовками (много лет спустя он заявил мне, что «исходил тогда из того, что я уже знал об этом»).

Как только в полдень улетел самолет Громыко, ко мне на аэродроме подошел сотрудник американской миссии при ООН и передал просьбу Раска посетить его в Госдепартаменте в тот же день, в 6 часов вечера. Поскольку у меня была уже назначена деловая встреча в Нью-Йорке вечером того же дня, я попросил американца узнать у Раска, нельзя ли перенести нашу с ним встречу на следующий день. Однако этот сотрудник сразу же сказал, что у него твердые инструкции от госсекретаря обеспечить эту встречу обязательно сегодня вечером. Мне стало ясно, что речь идет о чем-то очень се-

рьезном, ибо Раск никогда до этого так категорично не настаивал на определенном часе наших встреч, соглашаясь на взаимоприемлемое время. Внутренний голос подсказывал – произошло нечто важное, но что именно, я не знал – то ли этот вызов связан с Кубой, то ли с Западным Берлином.

Я срочно вылетел в Вашингтон и был у Раска в назначенное время, то есть в 6 часов вечера 22 октября.

Госсекретарь сказал, что у него есть поручение президента передать через меня личное послание президента Хрущеву по кубинскому вопросу, а также вручить для сведения текст обращения президента к американскому народу, с которым он намерен выступить в 7 часов вечера по радио и телевидению. Раск предупредил далее, что у него на этот раз имеются инструкции не отвечать ни на какие вопросы по тексту обоих документов и не комментировать их. «Эти документы, – добавил он, – говорят сами за себя».

В своем обращении к народу 22 октября Кеннеди объявлял об установлении «карантина на все виды наступательного оружия, перевозимого на Кубу».

В личном письме, направленном Хрущеву, Кеннеди указывал, что, как и в берлинском вопросе, он в свое время прямо заявлял, что если события вокруг Кубы примут определенную направленность, то США сделают все необходимое для защиты своей безопасности и своих союзников. Тем не менее быстрое развертывание баз для ракет средней дальности на Кубе и другого наступательного оружия произошло.

«Я должен Вам заявить, что США полны решимости устранить эту угрозу безопасности нашему полушарию». Кеннеди говорил, что принимаемые им меры составляют лишь «необходимый минимум», и выразил надежду, что советское правительство воздержится от любых акций, могущих лишь углубить этот опасный кризис.

Я выразил удивление, что ни президент, ни Раск не сочли необходимым открыто переговорить по всем этим вопросам во время встречи с Громыко.

Раск промолчал. Он был явно взвинчен, хотя и старался это скрыть. На этом встреча закончилась. Затем в Госдепартамент были вызваны почти все послы (кроме социалистических стран), им вручили тексты речи президента с соответствующими комментариями руководящих сотрудников Госдепартамента. Перед моим уходом Раск заметил, что пока не предполагается опубликование личного письма Кеннеди Хрущеву, но что в целом такую возможность исключать нельзя (письмо так и не было тогда опубликовано).

Вернувшись в посольство, я минут десять – пятнадцать провел в одиночестве в своем кабинете, чтобы немного «остыть» и по возможности взвешенно оценить обстановку. Разговор с Раском вызвал у меня понятную тревогу. Я впервые так остро почувствовал всю серьезность ситуации. Дело явно шло к крупному и опасному кризису в отношениях с Соединенными Штатами. Об этой оценке я немедленно доложил в Москву, понимая, что моя телеграмма о беседе с

Раском явится для советского руководства большой и тревожной неожиданностью в свете недавней успокоительной телеграммы Громыко о его беседе с президентом Кеннеди. Осторожный Громыко давно так не ошибался в своих оценках!

Но главный просчет был допущен самим Хрущевым. Он не предвидел возможности внезапной резкой реакции США, и у него не было запасного сценария на такой случай. В результате он был вынужден лихорадочно импровизировать по ходу бурных событий и оказался в опасной кризисной ситуации, которая сильно подорвала его позиции в мире и в стране.

После отправки срочной телеграммы правительству о беседе с Раском я тут же созвал руководящий состав посольства. Поручив всем дипломатам самым внимательным образом следить за развитием событий, я подчеркнул серьезность ситуации, чреватой возможными осложнениями для самого посольства. Было введено круглосуточное дежурство дипломатических сотрудников. Семьи дипломатов, живших вне посольства (а таких было большинство), были предупреждены о необходимости соблюдать дополнительную осторожность. Было проведено отдельное совещание с руководителями наших разведслужб в связи с назревавшим кризисом и необходимостью сбора и подготовки для Москвы оперативной информации о развитии событий. В целом настроение в посольстве было тревожное, но не паническое. Продолжа-

ли работать по заведенному порядку. Массового сжигания документов, как спекулировали некоторые американские газеты, в посольстве не проводилось, так как мы считали, что кризис не дойдет до взаимной эвакуации посольств, хотя, конечно, некоторые документы и уничтожались. Уникальность обстановки для посольства заключалась в том, что я так и не получил из Москвы какой-либо ориентировки, что же именно сейчас происходит? Насколько были правдивы обвинения президента Кеннеди? Полное и загадочное молчание.

На следующий же день, во вторник 23 октября, Хрущев направил ответное послание президенту Кеннеди (оно также не публиковалось). В послании меры, объявленные Кеннеди, характеризовались как агрессивные против Кубы и СССР, как недопустимое вмешательство во внутренние дела Кубы и нарушение ее права «на оборону от агрессора». Отвергалось право США устанавливать контроль над судоходством в международных водах. Выражалась надежда на отмену соответствующих мер, объявленных Кеннеди, во избежание «катастрофических последствий для всего мира».

Посольство сообщило в Москву, что после телевизионного выступления Кеннеди напряженность обстановки в Вашингтоне возросла. Макнамара заявил, что США не остановятся перед потоплением советских судов, доставляющих на Кубу оружие «наступательных видов», если эти суда откажутся подчиниться требованиям американских военных кораблей. Отмечалось, что американцы сами начинают нерв-

ничать, ожидая, когда подойдет к Кубе первое – после заявления Кеннеди – советское судно (с этим вопросом многие американцы обращались прямо в посольство) и чем закончится эта первая «проба сил». Эта атмосфера напряженного ожидания вступила в новую фазу, когда президент опубликовал в тот же день официальное заявление, провозгласившее введение в действие «карантина» на поставки Кубе «наступательного оружия» с 14 часов 24 октября.

Напряженность в самом нашем посольстве усугублялась еще и тем обстоятельством, что я по-прежнему так и не получил в эти дни никакой информации из Москвы о нашей позиции в связи с объявленным «карантином». Вообще не было никаких указаний или ориентировок.

Надо сказать, что в начале кубинского кризиса произошел драматический эпизод из войны разведок. Он был неизвестен до последнего времени, но мог иметь самые роковые последствия. 22 октября в Москве был арестован Олег Пеньковский, давно завербованный американской (и английской) разведкой. Официально он работал в Комитете по делам науки и техники СССР. Но как сотрудник ГРУ Пеньковский имел доступ к важнейшей советской военной и государственной информации, которую он регулярно передавал ЦРУ. За эти заслуги ему было тайно присвоено, по его же тщеславной просьбе, звание американского полковника. Он добивался также негласной аудиенции у президента Кеннеди, а также у английской королевы, но в этом ему было от-

казано.

Как рассказал впоследствии видный американский ученый Гартхофф, работавший одно время в ЦРУ, Пеньковский получил от американской разведки только два кодированных телефонных сигнала, которые он должен был использовать для срочного уведомления ЦРУ: один – в случае непосредственной угрозы ареста; другой – в случае немедленной угрозы войны в результате подготовки советского ракетного удара по США.

Получилось так, что у Пеньковского непосредственно перед арестом было несколько минут для посылки сигналов, но он почему-то послал только один сигнал – о неминуемой угрозе войны, а не о своем аресте. Видимо, Пеньковский решил: если ему и погибать, то погибать со всем миром!

Несколько ответственных сотрудников ЦРУ, которые все эти годы работали с Пеньковским, немедленно доложили о его аресте (о чем им стало известно по другим каналам) директору ЦРУ Маккоуну, но умолчали о сигнале Пеньковского насчет войны. Они взяли на себя большую ответственность, но полагались на глубокое знание своего подопечного, страдавшего преувеличенным самомнением.

Трудно себе представить, как развивались бы события в разгар кубинского кризиса, если бы президент Кеннеди узнал о чрезвычайно тревожном сигнале Пеньковского. Американские вооруженные силы и так уже были приведены в глобальном масштабе в состояние повышенной боевой

готовности.

23 октября поздно вечером ко мне пришел Роберт Кеннеди. Он явно был возбужден. Кеннеди сказал примерно следующее: «Я пришел по своей личной инициативе. Я счел необходимым пояснить, что именно привело к нынешнему весьма серьезному развитию событий. Более всего важно то, что личным отношениям президента и советского премьера, от которых так много зависит, нанесен серьезный ущерб. Президент чувствует себя обманутым, и эти чувства нашли свое отражение в его обращении к американскому народу».

Напомнив ряд предыдущих бесед на тему о поставках советского оружия на Кубу, Кеннеди отметил, что президент поверил всему, что говорилось с советской стороны, и, по существу, «поставил на карту свою политическую судьбу», публично заявив в США, что поставки на Кубу носят чисто оборонительный характер, хотя ряд республиканцев утверждал обратное. И вдруг президент получает достоверную информацию о том, что на Кубе вопреки всему тому, что говорилось советскими представителями, включая последние заверения Громыко в беседе с президентом, появились советские ракеты, поражающие почти всю территорию США. «Разве это оружие для оборонительных целей, о которых говорили Вы, Громыко, советское правительство и Хрущев?» — спросил он.

Президент почувствовал себя обманутым, и обманутым преднамеренно. Кеннеди воспринял это как тяжелый удар

по всему тому, что он стремился сохранить в личных отношениях с главой советского правительства: взаимной вере в личные заверения друг друга.

Р. Кеннеди высказался далее в том смысле, что и конфиденциальный канал оказался скомпрометированным, если «даже советский посол, пользующийся, насколько нам известно, полным доверием своего правительства, не знает, что на Кубу уже доставлены ракеты, которые могут угрожать США, а не оборонительные ракеты, способные защищать Кубу от какого-либо нападения. Выходит, что, когда мы с Вами говорили раньше, Вы также не имели надежной информации» (в этом Р. Кеннеди был прав, и мне нечего было ему сказать).

В целом разговор на тему обмана президента носил напряженный и порой просто острый характер. После некоторых колебаний, я дословно передал в Москву все резкие высказывания Р. Кеннеди, включая не очень лестные относительно самого Хрущева и Громыко, чтобы там по-настоящему почувствовали настроение, которое царило в самом близком окружении президента. Это я считал важным для правильной оценки Кремлем общей нервной обстановки в Вашингтоне. (Как я позже узнал от помощников Громыко, он распорядился вообще не рассылать эту мою телеграмму членам советского руководства, сказав, что доложит ее сам лично Хрущеву; как он поступил с ней дальше – неизвестно, но он не вернул эту телеграмму помощникам, и ее нет в архиве.)

В конце беседы Р. Кеннеди несколько успокоился и на мое заявление о том, что Хрущев дорожит личными отношениями с президентом, сказал, что последний, несмотря на случившееся, также продолжает дорожить ими.

Прощаясь, уже перед уходом, Р. Кеннеди как бы мимоходом спросил, какие имеются указания у капитанов советских судов, идущих на Кубу, в свете вчерашнего заявления президента Кеннеди и только что подписанной им декларации о недопущении – вплоть до применения силы – наступательного оружия на Кубу.

Я ответил, что мне известно о твердых указаниях, которые были даны капитанам ранее: не подчиняться чьим-либо незаконным требованиям об остановке и обысках в открытом море, как нарушающим международные нормы свободы судоходства. Приказ этот, насколько мне известно, не отменен.

Р. Кеннеди, махнув рукой, сказал: «Не знаю, чем все это кончится, ибо мы намерены останавливать ваши суда».

«Но это будет актом войны», – тут же предупредил я. Он покачал головой, но ничего не сказал.

И даже после этого важного разговора Москва продолжала держать наше посольство в полном неведении насчет своих намерений. Кстати, до конца кризиса посольство так и не было информировано о наличии на Кубе наших ядерных ракет. Позднее заместитель министра В. В. Кузнецов объяснил мне все это состоянием полного замешательства и растерян-

ности Хрущева и всего советского руководства, когда Кеннеди отказался проглотить «горькую пилюлю» и когда они неожиданно для себя оказались вовлеченными в опасный водоворот событий вокруг Кубы.

Несколько слов о моих встречах с Робертом Кеннеди во время кубинского кризиса. Проходили они, как правило, поздно ночью (1–3 часа ночи), чтобы сохранить факт встречи в глубокой тайне. Встречались мы или у меня, в посольстве, или у него, в здании министерства юстиции, в его кабинете, куда я приходил через особый подъезд.

Когда он приезжал ко мне, то я встречал его у входа, а затем мы вдвоем поднимались на третий этаж в мою гостиную. Здесь мы и беседовали в ночной тишине. На встречах никто никогда не присутствовал, кроме нас двоих. Жена обычно оставляла нам кофе, а затем уходила в спальню. Все это накладывало отпечаток некоторой таинственности, отражая в то же время общую атмосферу напряженности тех дней в Вашингтоне. К тому же мой собеседник по своему характеру не был общительным и не обладал должным чувством юмора, что обычно помогает при сложных переговорах. Он бывал вспыльчив. Так или иначе наши беседы, подчас продолжительные, носили сугубо деловой характер.

23 октября президент Кеннеди послал Хрущеву новое письмо (текст был передан в МИД утром 24 октября). В нем Кеннеди выразил надежду, что Хрущев немедленно даст указание советским судам соблюдать условия карантина, ко-

торое объявляет правительство США.

В этот же день МИД передал в посольство США текст ответного письма Хрущева. В нем говорилось, что советское правительство рассматривает нарушение свободы международного мореходства и международного воздушного пространства «как акт агрессии, толкающий человечество на грань пропасти мировой ракетно-ядерной войны». Соответственно, советское правительство не может дать указание своим капитанам подчиняться приказам американских военно-морских сил, блокирующих остров Куба. Разумеется, «мы не будем только наблюдать за пиратскими действиями американских судов в открытом море; мы будем вынуждены со своей стороны принять необходимые меры для защиты наших прав; для этого у нас есть все необходимое».

24 октября был, пожалуй, самым напряженным днем за все длительное время моего пребывания на посту посла в США. По всем американским телевизионным станциям показывали нам, как советский танкер (возможно, с ракетами на борту) приближался к черте, установленной американской декларацией о карантине, за которой военные корабли США собирались останавливать и задерживать наши суда, идущие на Кубу, вплоть до их обстрела.

Пожалуй, вся Америка, глядя в телевизоры, считала, сколько еще миль осталось нашему танкеру, сопровождаемому американскими эсминцами и самолетами, до роковой черты: «пять... три... одна миля». Наконец он пересекает, не

останавливаясь, эту черту. Но американские военные корабли не стреляют, пропускают его дальше. Общий вздох облегчения. И прежде всего у всех сотрудников нашего посольства.

Угроза непосредственного военного столкновения на море была несколько отодвинута, продолжались лихорадочные дипломатические поиски компромиссного выхода. В дальнейшем, в разгар кризиса, советские суда не пересекали больше «карантинной линии», чтобы не спровоцировать нежелательные инциденты. Однако строительство на Кубе площадок для ракет продолжалось.

25 октября посольство сообщило в Москву, что обстановка в Вашингтоне остается весьма напряженной. В прессе появляются сообщения о том, что правительство США обсуждает возможность массированного налета американской авиации на строящиеся на Кубе ракетные площадки. Некоторые источники сообщают, что наиболее воинственную линию в правительстве занимают Р. Кеннеди, Банди и военные, которые настаивают на ликвидации ракетных баз на Кубе, не останавливаясь при этом даже перед вторжением на этот остров.

Возможно, говорилось далее в телеграмме посольства, эта информация носит сознательно направленный характер, чтобы оказать на нас дополнительное давление. Вместе с тем следует считаться с тем, что сам президент, как азартный игрок, по существу, поставил на карту свою репутацию госу-

дарственного и политического деятеля и связанные с этим перспективы переизбрания в 1964 году. Вот почему нельзя исключать возможности того, что он может, особенно учитывая его окружение, пойти на такие крайние шаги, как бомбардировка ракетных баз на Кубе или даже, может быть, вторжение на Кубу, хотя последнее явно менее вероятно.

Посольство отмечало общее нагнетание обстановки в США по радио, телевидению и в прессе, включая сообщения из различных штатов о приведении в полную готовность систем гражданской обороны, противоатомных убежищ, о закупках населением продуктов и других товаров первой необходимости.

Поздно ночью 25 октября было получено письмо от президента Кеннеди для Хрущева. В нем президент стремился доказать, что не он первым бросил вызов в вопросе о Кубе. Он делал при этом ссылки на прежний диалог между обоими правительствами по поводу характера наших военных поставок, которые мы все время называли оборонительными, хотя теперь выяснилось, что речь шла о ракетных базах. Вот почему он считает оправданными действия, которые недавно предпринял в связи с событиями вокруг Кубы. В заключение Кеннеди призвал вернуться «к прежней ситуации».

В течение **26 октября**, как сообщало посольство, средства массовой информации – явно по подсказке сверху – все более настойчиво утверждали, что на Кубе форсированными темпами продолжается строительство ракетных площадок, а

сами ракеты приводятся в оперативную готовность. К концу дня с официальными заявлениями по этому поводу выступили представитель Госдепартамента Уайт и секретарь президента по вопросам печати Сэлинджер. В заявлениях они довольно ясно намекали, что «указанный факт дает основание» правительству США принять дальнейшие, более серьезные меры против Кубы. В прессе по-прежнему подчеркивается возможность вторжения на Кубу, но тема бомбардировок ракетных баз выходит сейчас на первое место, отмечалось в телеграмме посольства. Сообщалось также о дальнейших мобилизационных мероприятиях правительства США, о приведении в боевую готовность тактической и стратегической авиации.

По свидетельству нашего посла на Кубе Алексеева, Фидель Кастро, который в ночь с 26 на 27 октября пробыл у нас в посольстве до 5 часов утра, был крайне встревожен развитием событий и отсутствием перспектив решения кризиса. Обе стороны стояли на своем, не просматривалось никаких признаков разрешения кризисной ситуации. Кастро допускал возможность нанесения американцами бомбовых ударов по Кубе и даже предложил нашему послу отправиться с ним в бункер на командный пункт, оборудованный в одной из пещер под Гаваной.

Одновременно Фидель послал телеграмму Хрущеву (получена в Москве в субботу, 27 октября), в которой наряду с тревожной оценкой ситуации предложил использовать в пе-

реговорах с американцами такой козырь, как угрозы применения Советским Союзом ядерного оружия, если США откажутся на бомбардировку Кубы.

Хрущев намекает на возможность компромисса

Волнения, вызванные нарастанием кризиса, не могли не повлиять на поведение самого Хрущева. Он понял, что надо срочно искать компромиссный выход из кризиса, чтобы избежать развязывания войны и предотвратить вероятный удар США по Кубе.

26 октября через посольство США в Москве было передано подробное письмо Хрущева для Кеннеди. Письмо носило примирительный характер, хотя, отражая смятение самого Хрущева, оно было составлено довольно сумбурно.

Хрущев оспаривал правильность квалификации президентом Кеннеди советских ракет как наступательного оружия, утверждая, что они носят сугубо оборонительный характер и посланы по просьбе кубинского правительства лишь для обороны самой Кубы. Он продолжал критиковать введенный американцами «карантин», утверждая при этом, что на советских судах, которые сейчас движутся к Кубе, вообще нет военных грузов. Куба уже получила все средства для обороны. «Нападать на США советское руководство не собирается. Война между СССР и США была бы самоубийством. Идеологические различия должны решаться мирны-

ми средствами. Давайте нормализовывать отношения».

Хрущев призвал президента совместно проявить здравый смысл. Со своей стороны он предложил следующее: советская сторона объявляет, что суда, идущие на Кубу, не будут осуществлять никаких военных поставок вообще; американская сторона заявляет, что США не будут осуществлять интервенцию на Кубу и не будут поддерживать силы, которые имеют такое намерение. Хрущев предложил срочно сделать такие заявления и в любом случае не прибегать к тем опасным акциям, которые могут вытекать из ранее сделанных президентом заявлений в отношении Кубы и судов, идущих к ней. Он намекнул, что в случае такого решения причина размещения советских ракет на Кубе будет вообще устранена. Хотя в этом послании прямо не говорилось о вывозе советских ракет (а на этом настаивал Кеннеди), в Белом доме поняли, что Хрущев готов идти на поиск политического компромисса и, по существу, первый пошел на попятную.

27 октября был днем активной дипломатической деятельности. Не успел еще Кеннеди подготовить свой ответ на последнее послание Хрущева, как утром этого же дня он получил новое срочное послание. Опасаясь поспешной неблагоприятной реакции президента (в частности начала бомбардировок Кубы) на свое предыдущее послание, где не говорилось четко о советских ракетах, Хрущев на этот раз ясно заявил о согласии СССР вывезти с Кубы ракеты, а точнее, «те средства с Кубы, которые Вы считаете наступатель-

ными». Вместе с тем Хрущев, чувствуя недовольство своих коллег и военных, предпринял еще одну отчаянную попытку в последний момент спасти свое лицо и прикрыть публичное отступление. Дополнительно к обязательству США о невторжении на Кубу, о чем говорилось в его предыдущем письме, Хрущев предложил «вывезти аналогичные американские средства из Турции», то есть как бы обмен закрытием баз.

Таким образом, в этот день (названный позже американцами «черной субботой») Кеннеди и его команде предстояло найти непростое решение, как ответить на оба послания Хрущева. Задача осложнялась тем, что свое очередное послание Хрущев очень спешил передать по радио, то есть фактически публично перевел вопрос о турецких базах в контекст кубинского кризиса, чего Кеннеди всячески стремился избежать. После длительных споров в Белом доме в этот день было решено вести дальнейший диалог как бы в двух плоскостях: в официальном (публичном) ответе Хрущеву игнорировать вопрос о турецких базах, переведя его в русло конфиденциального канала.

В тот же день Кеннеди послал Хрущеву свое официальное послание, которое было ответом на послание советского премьера от 26 октября. Однако на последнее послание Хрущева от 27 октября (где упоминались базы в Турции) никаких ссылок в ответе президента не делалось с явным намерением не вступать в переписку по вопросу о Турции.

В своем послании Кеннеди приветствовал желание Хру-

щева найти быстрое решение кризиса. Однако в первую очередь, по его мнению, следует прекратить все работы на ракетных площадках и привести все наступательное оружие на Кубе в бездействующее состояние под международным контролем. Одновременно он выражал готовность договориться о разрешении кубинского кризиса на следующих условиях: СССР вывозит с Кубы ракеты и другое наступательное оружие, а США отменяют блокаду и дают заверения в том, что Куба не подвергнется вторжению ни со стороны США, ни со стороны других стран Западного полушария.

Кульминация кризиса. Решающая встреча с Р. Кеннеди

В тот же день, 27 октября, меня пригласил к себе поздно вечером Р. Кеннеди. В его кабинете был большой беспорядок. На диване валялся скомканный плед, видимо, хозяин кабинета тут же урывками спал. Важный разговор состоялся наедине.

Кубинский кризис, начал он, продолжает быстро углубляться. Только что получено сообщение, что сбит американский невооруженный самолет, осуществлявший наблюдательный полет над Кубой. Военные требуют от президента отдать приказ отвечать огнем на огонь. Отказываться от таких полетов США не могут, так как только таким путем можно быстро получить сведения о ходе строительства ра-

кетных баз на Кубе, которые представляют собой очень серьезную угрозу нашей национальной безопасности. Но если начать ответный огонь, то быстро начнется цепная реакция, которую будет очень трудно остановить. То же относится к существу вопроса о ракетных базах на Кубе. Правительство США полно решимости избавиться от этих баз – вплоть до их бомбардировки, ибо, повторяю, они представляют большую угрозу для безопасности США. Но на бомбардировку этих баз, в ходе которой могут пострадать советские военные специалисты и советские охранные подразделения, советское правительство, несомненно, ответит нам тем же где-то в Европе. Начнется самая настоящая война, в которой погибнут прежде всего миллионы американцев и русских. Мы хотим избежать этого во что бы то ни стало. Уверен, что такое же стремление есть и у правительства СССР. Однако промедление с нахождением выхода связано с большим риском (здесь Р. Кеннеди как бы вскользь заметил, что у них много неразумных голов среди генералов, да и не только среди генералов, которые так и рвутся «подрататься»). Ситуация может выйти из-под контроля с непоправимыми последствиями, подчеркнул мой собеседник.

В этой связи, продолжал он, президент считает, что подходящей базой для урегулирования всего кубинского кризиса могли бы явиться письмо Хрущева от 26 октября и ответное письмо президента, которое сегодня, 27 октября, отправлено через посольство США в Москве Хрущеву. Главное для нас

– получить как можно скорее согласие советского правительства на прекращение дальнейших работ по строительству ракетных баз на Кубе и осуществление мер под международным контролем, которые сделали бы невозможным применение упомянутого оружия. В обмен правительство США готово, помимо отмены всех мер по «карантину», дать заверения, что не будет никакого вторжения на Кубу и что другие страны Западного полушария – в этом правительство США уверено – готовы будут дать такие же заверения.

Компромисс, предложенный Р. Кеннеди, как и послание президента от 27 октября, страдал тем недостатком, что он не включал обмена «базы на базу». Поэтому я, хотя и не имел на этот счет никаких указаний из Москвы (полного текста послания Хрущева от 27 октября у меня еще не было, поскольку сперва оно было вручено в Москве посольству США), тем не менее спросил, а как быть в отношении американских ракетных баз в Турции?

Оказалось, что Р. Кеннеди имел на это ответ, санкционированный президентом, но который до того момента они не сообщили еще Хрущеву, держа его в запасе на крайний случай.

Президент и его брат, видимо, решили, что этот наш разговор и был таким случаем.

Если в этом сейчас единственное препятствие к достижению упомянутого выше урегулирования, то президент не видит непреодолимых трудностей в решении и этого вопроса,

четко ответил Р. Кеннеди. Главная трудность для президента – публичное обсуждение вопроса о Турции. Формально размещение ракетных баз в Турции было оформлено официальным решением НАТО. Объявить сейчас (односторонним решением президента США) о закрытии в Турции ракетных баз – это значит ударить по всей структуре НАТО и по положению США как лидера союза, где, как, несомненно, хорошо известно советскому правительству, существует и так немало споров.

Однако президент Кеннеди готов негласно договориться и по этому вопросу с Хрущевым. Думаю, что для свертывания таких баз в Турции, сказал Р. Кеннеди, потребовалось бы 4–5 месяцев. Это – минимальное время, которое необходимо правительству США, чтобы сделать такие шаги с учетом процедуры, существующей в рамках НАТО. По турецкому аспекту можно продолжить обмен мнениями, используя для этого наш с вами канал связи. Однако публично об этом плане, снова сказал он, президент ничего не может сейчас сказать. Р. Кеннеди предупредил, что его сообщение о Турции является весьма конфиденциальным и в Вашингтоне, помимо него и брата, о нем знают еще только 2–3 человека. Вот все, что президент просил передать Хрущеву, подчеркнул Р. Кеннеди. Президент просил также Хрущева дать ответ на высказанные соображения по возможности в течение завтрашнего дня (воскресенье). Нынешняя ситуация, к сожалению, складывается таким образом, что времени для

решения вопроса остается весьма мало. К несчастью, события развиваются слишком быстро. Отсюда просьба дать ответ завтра. Президент надеется, что глава советского правительства его правильно поймет. Сказав это, Р. Кеннеди дал мне номер прямого телефона в Белом доме, по которому я мог бы сразу связаться с ним лично.

Нужно сказать, что в течение нашей встречи Р. Кеннеди не скрывал своего волнения, во всяком случае, я его видел в таком состоянии впервые. Он даже не попытался вступить, как это он делал часто, в спор по тому или иному вопросу, а лишь настойчиво возвращался к одной теме: время не терпит, нельзя его упустить. После встречи со мной он сразу же поехал к президенту, с которым, как сказал Р. Кеннеди, он сейчас, по существу, проводит почти все время.

Надо сказать, что в течение всех дней кризиса политбюро практически заседало непрерывно. Американские журналисты писали, что и в Белом доме, и в Кремле окна светятся всю ночь напролет. Узнав об этом, Хрущев перенес заседания политбюро из Кремля за город, на дачу в Ново-Огарево, и оставался там до 28 октября. Правда, он посетил в эти дни Большой театр. Но это была игра на «публику».

Как позже мне стало известно от членов политбюро, согласие президента на вывод их ракетных баз из Турции, сообщенное мне Р. Кеннеди, явилось поворотным пунктом в разрешении кубинского кризиса, ибо оно позволило Хрущеву «спасти лицо», когда он был вынужден согласиться на вы-

воз ракет с Кубы. Сам Хрущев в своих мемуарах не оставляет никаких сомнений в том, что мой разговор с Р. Кеннеди решил все дело. «Это была кульминация кризиса», – подчеркивал он.

События к этому моменту продолжали развиваться своим чередом. Множились тревожные сведения о готовящейся американцами бомбардировке ракетных баз на Кубе. По данным советской разведслужбы, бомбардировки вроде намечены были на 29 или 30 октября. Напряжение среди советского руководства, как и в Белом доме, сильно возросло. Беспокойство усилилось, когда из моей беседы с Р. Кеннеди стало известно, что президент подчеркнуто ждет нашего ответа на следующий день, то есть в воскресенье, 28 октября. Дело явно шло к драматической развязке конфликта. Накал достиг критической точки, когда в политбюро поступила ошибочная информация от военной разведки о том, что президент собирается выступить по телевидению с важным обращением к нации насчет Кубы в 5 часов дня по вашингтонскому времени (в Москве опасались, что это могло быть решение о бомбардировке Кубы).

Именно в этих условиях, как свидетельствует помощник Хрущева О. Трояновский, после лихорадочных дискуссий в советском руководстве в ночь с 27 на 28 октября, а также утром 28 октября было принято окончательное решение: принять предложение Кеннеди, тем более что впервые полученное через меня принципиальное согласие президента на

вывоз американских ракет из Турции позволяло «прикрыть» наше отступление на Кубе, или, как сказал сам Хрущев на заседании политбюро, предоставило «достойный выход из конфликта».

В 4 часа дня **28 октября** я получил срочную телеграмму от Громыко: «Немедленно свяжитесь с Р. Кеннеди и скажите ему, что Вы передали Н. С. Хрущеву содержание беседы с ним. Н. С. Хрущев прислал следующий срочный ответ: «Соображения, которые Р. Кеннеди высказал по поручению президента, находят понимание в Москве. Сегодня же по радио будет дан ответ на послание президента от 27 октября, и этот ответ будет самый положительный. Главное, что беспокоит президента – а именно вопрос о демонтаже ракетных баз на Кубе под международным контролем, – не встречает возражений и будет подробно освещен в послании Н. С. Хрущева». Громыко послал свою телеграмму, не дожидаясь даже, пока будет готов полный текст ответного послания Хрущева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.